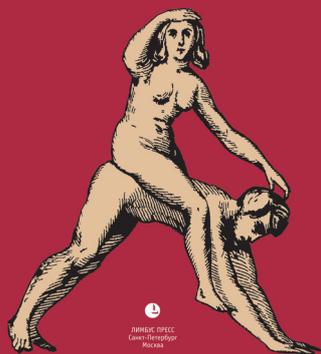

Татьяна Москвина
ВРЕД ЛЮБВИ ОЧЕВИДЕН

ЛЮРИКАЛ ПРЕСС
Санкт-Петербург
Москва

Татьяна Владимировна Москвина Вред любви очевиден (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7062622

Вред любви очевиден: Эссе, киноповести, рассказы: Лимбус Пресс; СПб.; 2006

ISBN 5-8370-0448-3

Аннотация

Татьяна Москвина – автор, хорошо известный российскому читателю. Писатель, публицист, драматург, блестящий эссеист – много литературных талантов счастливо сошлось в этом человеке. «Вред любви очевиден» – книга, в которой Москвина в полную силу демонстрирует все грани своей незаурядной одарённости.

Содержание

Отечественные записки	4
Раз, два, три – игра закончена	4
Присутствие духа	9
Как я развалила Советский Союз	11
Идиотки	13
Вольно!	15
В час роковой	18
Здравствуй, грусть	20
Трагедия колпака	22
Зина, держись!	24
Летать не надо	26
Русская дырка	28
Нельзя жить можно	30
Вред любви очевиден	32
...А чёрта не дразни	34
Остров Петербург	36
Исчезающий остров	38
Музей печали	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Татьяна Москвина

Вред любви очевиден

Сборник

Отечественные записки
2005–2006

Раз, два, три – игра закончена

По отношению к романам Бориса Акунина и последующим экранизациям их у меня никогда не возникало сильных эмоций и очевидных мыслей – это для меня сфера досуга, что-то вроде раскладывания пасьянса. (А без эмоций откуда же взяться вдохновенным рассуждениям?) Акунин – конструктор: разложил литературу на составляющие и сделал из элементов деконструируемого принципа занимательности свою игру. Из русской прозы всех рангов Акунин черпает смелой рукой – в одном сочинении я обнаружила персонажей рассказов Всеволода Гаршина, художников Рябинина и Гельфрейха, перенесённых из мест обитания в игру без всяких намёков или ссылок на их происхождение. Интересно, что при этой операции – перехода из первородного художественного пространства в акунинскую конструкцию – гаршинские герои потеряли свою оригинальную прелесть, ту нервическую яркость и живость, которую им придавало перо автора, они сделались как будто вылепленными из воска, но при этом сохранили основной рельеф. Так, в общем, выглядят и все герои Акунина – восковые персоны или карточные символы, с нарисованными двумя-тремя чертами для опознания.

Но в одном герое, в Эрасте Фандорине, есть и ещё что-то сверх деловитой конструкции – вещество мечты, волнующей и самого автора. Он тоже собран из элементов, свинчен из механических деталей, но странным образом вдруг несколько ожил, точно на него упала капля чудодейственной воды. Разочарованный красавец с седыми висками, укрепляющий тело японской гимнастикой, а душу – усердным служением Отчеству, обладает редким для героя русской литературы свойством: он умеет владеть собой. Личный порядок против общественного хаоса, японская гимнастика как средство служения России! Хорошо и оригинально.

О том, что «фандоринские» романы Акунина чрезвычайно годятся для кинематографа, говорили давно. Да, в общем, трудно возразить, тут вопрос другой – для какого кинематографа? Ведь достаточно очевидно, что этот материал не ставит художественных задач, и все виды занимательности, применённые автором, кинематографу известны, отработаны им. «Игру в Россию» Никита Михалков придумал задолго до Акунина – ведь сценарий «Сибирского цирюльника» написан ещё в 1987 году, и уже тогда не блистал оригинальностью. Романы Акунина могли пригодиться массовому кинопроизводству, конструирующему свой принцип занимательности, – и как только оно возникло, они игодились.

Вначале была «Азазель» – и у автора, и у его интерпретаторов. В романе действует юный Фандорин, начинающий свой путь пока без японских вливаний и русской тоски и раскрывающий мировой заговор Ужасной леди. В телевизионном сериале режиссёра Александра Адабашьяна юного героя сыграл Илья Носков, а Ужасную леди – Марина Неёлова. Адабашьян, известный художник кино, не ведёт отчётливой жизни в области режиссуры

кинематографа, но для пространства телесериалов его возможности вполне достаточны: «Азазель» проскочила в безмерный зрительский желудок, не причинив никаких неудобств. Любовь зрителя к царской России, отформатированной в поп-культуре, – фактор устойчивый. Другое дело, что сериал по Акунину возможен только малый, поскольку ни в одном романе автора (кроме последнего по времени романа «Алмазная колесница») нет развитой любовной интриги, матери всех сериалов. Десяти-, если не ошибаюсь, серийная «Азазель» казалась сильно растянутой.

Из этого сериала я не помню почти ничего, кроме улыбающегося (в предвкушении «Бригады»?) Сергея Безрукова (Бриллинг) и неописуемого выражения лица Марины Неёловой (Ужасная леди), когда она, будучи разоблачённой, шептала: «Вот так-то, мой мальчик», глядя на юнца Фандорина откуда-то из глубин мудрого и горького опыта. Это вообще интересная проблема – сериалы и культурная память.

Сериалы производятся в большом, промышленном количестве и употребляются миллионами. Но эти миллионы ничего не помнят, поскольку потребление основано на хроническом и обязательном повторе, а память так устроена, что хорошо воспринимает различие и уникальность опыта, но не повтор. Человек не может вспоминать вкус лимонада, который пьёт каждый день, хотя это неотъемлемая частица его повседневной жизни. Недержание сериалов в культурной памяти естественно. Актёрская сериальная слава «по гамбургскому счёту» ничего не стоит, выветривается моментально. Что была «Азазель», что её не было – можно сказать и так. Но на деле «Первый канал» продолжал осваивать пространство массовой игры, и здесь «Азазель» была одним из этих осторожно-уверенных шагов.

В «Азазели» мы сразу встретим основной акунинский приём, который им не изобретён, но использован крупно. Главными злодеями у него почти всегда оказываются «наименее подозреваемые», как и положено, но соль в том, что им по роду занятий категорически запрещено делать зло: управительница благотворительного детского приюта («Азазель»), честный скромный офицер («Турецкий гамбит»), высший полицейский чин, в титуле князя («Статский советник»). Это маски, за которыми скрываются бесы, и маски полностью противоположные лицам. Врачи-убийцы Агаты Кристи убивали по вполне ясным мотивам корысти и страха – но игра акунинских злодеев крупнее, им подавай власть над Россией, мировое господство, личная корысть неактуальна или раздута до непостижимых размеров. На карнавализацию зла, меняющего обличия, акунинский герой отвечает индивидуальным артистизмом – он отважно переодевается и притворяется для успеха действия, оставаясь самим собой, светлым и бескорыстным любителем чистой игры. Может быть, оттого он в мире автора награждён особой милостью Фортуны – страховкой, обязательным конечным выигрышем.

Этот мотив новый в мире занимательного. Фандорин – и это подчёркивается всякий раз – всегда выигрывает в любые азартные игры. Такой уж ему положен бонус от судьбы, и он соблюдается неукоснительно. Фортуна, которая, как известно, изменчива, коварна и неблагодарна, из ветреной любовницы становится верной женой. Ни при каких обстоятельствах бонуса у Фандорина не отберут. Личные заслуги тут ни при чём – *так назначено. Такое распоряжение*. В чём его смысл? Исключительно – в существовании игры, которую герой никогда бы не выиграл без страховки. Сколько ни наращивай мускулы и разум, миром правят злодеи, и без специальной защиты Фандорину не сделать и двух шажков. Страховка героя – *conditio sine qua non*¹ самой игры, где добро имеет какие-то непонятные, не из него самого исходящие, дополнительные преимущества...

Вообще-то *это нечестно*. Старинная тяжба добра и зла долгое время велась по традиционной установке на отвязанность зла и правильность добра. Добро не должно было мух-

¹ Условие, без которого нет (*лат.*).

левать, использовать грязные средства и коварные приёмы. Злу, разумеется, всё это было преспокойно разрешено. Когда добро проигрывало (примерно каждые 95 игр из 100), оно объявляло, что это и есть главный выигрыш. Постепенно игра пришла в упадок. Стало непонятно, что делать: разрешить добру тоже мухлевать? Пропадёт разница между игроками. Единственный выход из ситуации и есть тот, что придумал

Акунин – обратиться за помощью не к методам зла, а к древним богам, укрепить добро силой судьбы. Оно сможет выиграть не потому, что убедит кого-либо в своей чистоте и красоте (плевать в игре на эти нежности), а потому, что за неё встанет дракон Рока.

Просто так, как говорится, с дуба рухнувши, Рок не будет раздавать свои роковые привилегии. Эту привилегию может вымолить Автор для одинокого, отдельного, особенного, очень заветного Героя.

Стало быть, при попытках воплощения такого героя в кино, всё-таки ждешь какой-то необычайности, яркости отпечатка, особой привлекательности. Илья Носков, обаятельный и способный артист, такого букета нам не связал. Эстафетная палочка перешла к Егору Бероеву, сыгравшему Эраста Фандорина в картине режиссёра Джаника Файзиева «Турецкий гамбит» (2004).

«Гамбит» чуть долее продержится в культурной памяти, чем «Азазель», из-за новизны ситуации: вслед за картиной «Ночной дозор» он оказался в числе лидеров отечественного проката. Массовый зритель пришёл в кино и посмотрел не американский, а свой фильм. Это запомнится.

Всё понятно с этим кино – стиль «Первого канала», клиповая эстетика, да-да-да... И всё-таки следы жизни там существуют. Какая-то весёлая молодая энергия закодирована в фильме и передаётся весёлому молодому зрителю. Нет у меня желания его ненавидеть.

«Турецкий гамбит» – второй по времени «фандоринский» роман. Эраст Петрович там по-прежнему молод, хоть виски его и посеребрила седина встречи с «Азазелью» (имя демона и тайной организации, разоблачённой Фандориным ценой потери личного счастья). Он служит вольноопределяющимся на русско-турецкой войне, но правительство уже взяло его на заметку из-за выдающихся дедуктивных способностей.

Прямо сказать, этих способностей мы в картине не увидим. Фандорин весь фильм будет что-то пытаться угадать методом тыка, а в конце прибудет откуда-то с внезапной готовой разгадкой. Он очень симпатичен – милый паренёк, ловкий, загорелый, кареглазый, отзывчивый, никакой «замороженности». Егор Бероев славный артист, и, надеюсь, найдёт свою дорогу в искусстве. Он ничего не испортил в «Турецком гамбите» – да только это не Фандорин. Он слишком нормальный для него, такого парня можно встретить на улице, хотя он будет замечен в компании из-за своей очевидной половой привлекательности. Но для увеличения зрительского аппетита в картине собрана целая команда артистов, в этом отношении мало уступающая главному герою: тут и Балуюев, и Куценко, и Башаров, и Певцов, и Краско, и Гуськов, так что на этом фоне Бероев несколько тускнеет.

Да и не в Фандорине дело – парни играют в войну, и девчонка им помогает, война идёт на Востоке (актуальная фактура), и «чужие» с лицом Гоши Куценко (Исмаил-бей) так же крепки и хороши, как «свои» с лицом Александра Балуюева и Дмитрия Певцова. «Турецкий гамбит» показывает русскую армию в привлекательном виде – с заботливыми командирами и храбрыми солдатами, с подвигами и приключениями, с честью и отвагой, с галантностью и азартом, с попечением о дамах. Уже этого одного достаточно для успеха. Победить на Востоке, который неотвратимо побеждает в реальной современной России, – значит умело разбудить вещество мечты.

Но победителем в соревновании актёрских талантов в экстремальных условиях клиповой эстетики становится между тем Александр Лыков (Перепёлкин – он же таинственный Анвар-эфенди). Пространства игры у Лыкова так же мало, как и у остальных, в ключевой

сцене разоблачения ему следует всего лишь сменить маску, и из маленького, прилежного, нелепого офицеришки превратиться в турецкого гения шпионажа. Однако Лыков делает это блистательно, с таким юмором, остротой реакций, точностью, обаянием, что самый простодушный подростковый зритель пришёл в восторг. Александр Лыков – артист с хитринкой, он бережёт свой талант. Прославившись исполнением роли мента Казановы (сериал «Улицы разбитых фонарей»), он вовремя покинул сладкий мир массовых грёз и занялся оригинальными театральными экспериментами. Два я видела и удивилась огромному потенциалу артиста, нещадно тратившего себя в моноспектаклях для ста зрителей. Лыков сберёт возможности внутреннего роста – кино «Первого канала» такого роста не предполагает. Оно использует лишь устойчивые маски и наработанный где-то вне его актёрский «вес».

О, как нужно ловко и умно крутиться артисту сегодня. Заработал в одном месте, потрапил в другом, и массы нельзя оставлять без впечатлений от себя, и уходить к ним навеки опасно – потеряешь личность. В отличие от занятых в «Гамбите» звёзд, уже сильно надкушенных (или и вовсе скушанных) поп-культурой, Лыков выглядит свеженьким, владеющим собой и своим талантом.

Итак, вроде бы даже намечалась последовательность – две картины с молодым Фандориным подряд, хоть и с перерывом. Долго запрягали («Азазель» вышла в 1996 году, и почти сразу начались толки об экранизации), а доехали быстро. Игра началась, но тут же и закончилась: «Статским советником» режиссёра Филиппа Янковского (2005). Здесь появляется другой Фандорин, никакой связи с предшественниками не имеющий. Никакой алхимией Берова в Меньшикова не превратишь – это другой герой.

«Статский советник», с его пустынной зимней Россией, населённой только властями и террористами, с величаво-гротескной фигурой крупного беса, Пожарского-Михалкова, с мрачной атмосферой преступного «фарта» буйных мужчин, истребляющих друг друга, – достаточно грамотный эквивалент акунинского романа. И Фандорин-Меньшиков вполне ладит с обязательной претензией на оригинальность, необычность героя. Он в большей степени Фандорин, чем другие, – и всё-таки это скорее щегольской и мастерский *силуэт героя*, нежели сам герой.

Не быть этому Фандорину мечтой очкариков, и ни одна категория зрителей не войдёт с ним в процесс идентификации. Элегантный, как идеальная модель, ироничный и брезгливо отстранённый от политической и всякой прочей грязи, Фандорин Меньшикова напрочь лишён внутреннего пламени. Он действует, ибо так положено богами сюжета, но его, кажется, не покидает изумление от самого факта своего участия в этом действии. Меньшиков никогда и не играл обыкновенных людей, и странность его Фандорина не наигранна, не фальшива – он неподдельно странен, этот пришелец ниоткуда, ледяная марионетка рока. В то, что он может угадать три карты сряду, что его не возьмёт пуля и он не разобьётся, упав с крыши, веришь безоговорочно. В то, что он может увлечься аппетитной дамочкой, беспокоиться о судьбах Отечества и ненавидеть зло – нет. Этот черноглазый фантом не похож на друга человечества. Он здесь не по доброй воле. Его заставили...

Игровой мир «Статского советника» сумрачен и холоден. Здесь горит фальшивым бенгальским блеском великий лицемер и прохиндей Пожарский, хорошенькие женщины помогают террору чем могут, нарядная безжизненная зима выгодно оттеняет варварский азарт к истреблению, заложенный программой в основных игроков. Невозможно себе представить, чтобы в этом мире любили, варили варенье, слушали щебет птиц, гладили по шёрстке домашнего кота. Под стать миру и его герой – сумрачный, холодный, с блистательно отделанным «фасадом» – безжизненный «советник». Как полномочный представитель иного и притом явно высшего мира он знает, что «зло пожирает само себя», и этот закон неотменим – с загадочной, слабой улыбкой Фандорин напомнит это князю Пожарскому, воображающему себя победителем. Пожарский Никиты Михалкова красочен и цветаст, но элементарен, это

мономаниакальный тип, существо об одной идее, одной страсти (я главный), завёрнутое в карнавальное домино. Ненависть его к Фандорину основана на соперничестве в игровом пространстве и презрении к методам противоположной команды, к «чистоплюйству», «нежности». Настоящих источников фандоринской силы он не чувствует, хоть и буквально поводит в картине чутким носом, вынюхивая опасность. А фандоринская сила в том, что он не от мира сего, – хотя князь опрометчиво полагает, что это слабость. «Я не дам вам победить, потому что вы – бес», – хладнокровно говорит Фандорин Пожарскому. Князь впадает в буйную насмешливость: и это все ваши аргументы? Да кто вам поверит, скажи вы, что обер-полицмейстер Москвы – бес? Да вас упекут в сумасшедший дом («самашедший» – ёрнически интонирует Михалков). Но герой и не собирается действовать в реальном времени – он элегантно самоустраняется и ждёт самовыполнения закона. Срабатывает, однако!

Игра, затеянная автором, в фильме воплощена без явных искажений. Русское измерение игры запутано и противоречиво, о чём и в романе, и в картине скажет Фандорин, – беда России в том, что добро здесь защищают подлецы и мерзавцы, а злу служат герои и мученики. Эта дикая рокировка парализует представителя высшего закона, находящегося в несколько сомнамбулическом состоянии от такого положения дел. Чтобы защитить добро, его ещё надо обнаружить, добыть из мутной русской взвеси, немного пообчистить и потом уже ему служить. А можно поступит иначе – отойти в сторону и подождать, когда зло пожрёт само себя, поскольку закон сбоев не даёт. Но самопожирание зла – это взрыв, и после каждого такого взрыва сильно уменьшается наличное вещество жизни вообще. В конце фильма размещены два финала: в одном Фандорин отказывается служить государству, в другом соглашается – как говорится, на любой вкус. Хочешь – играй, не хочешь – не играй, разница невелика.

Мало того, что фантомен герой, фантомно и пространство игры, та самая «Россия», о спасении/защите которой столько говорится в фильме. Здесь пусто и холодно, и никто, кроме полиции и бунтовщиков, не живёт. Даже энергичного вора (Козырь – Владимир Машков) приходится откуда-то импортировать – он приезжает из другого, более разнообразного пространства, а здесь воров нет – одни убийцы с интересными лицами. Кому здесь служить и что спасать?

Итак, думаю, что наладить с помощью Акунина творческое цветение кинематографа нереально, да никто и не собирался этого делать, впрочем. А вот разжиться игровыми методами у этого автора очень даже можно, но, видимо, на короткий срок. Странно даже представить, чтобы сейчас начали одна за другой выходить экранизации акунинских романов – «Смерть Ахиллеса», «Коронация»... зачем? Как будто всё ясно. В России акунинский проект достиг апогея и отцветает, но, конечно, если в игру вступит Голливуд (слышно было, что права на экранизацию Акунина приобрела компания Пола Верховена), она наберёт новые обороты – любопытно будет взглянуть.

Присутствие духа

Знающие Александра Секацкого обычно относятся к нему с большой иронической нежностью. Нежность естественно возникает из понимания: перед тобой редкое, драгоценное, ни на кого и ни на что не похожее существо – оригинальный мыслитель. Но именно поэтому ирония ставит бесполезную эту нежность на место в качестве декоративного приятного тумана, из которого грозной скалой выступает острое лицо, высеченное мастером человеческих фасадов. А там, за фасадом, живёт прекрасный и опасный, как старинное оружие, – дух, разум, spiritus. В случае Секацкого дух не отягчён материей душевности, – того, что в нас плачет, поёт, болеет, влюбляется, делает глупости, – а его тощая, лёгкая, prosperitovannая плоть – не более чем рыцарские доспехи.

Я представляю его себе так: рыцарь идёт по ледяной пустыне, вызывает на поединок дракона, одинокий рыцарь – сам себе и Росинант, и Санчо Панса, и Дульсинея Тобосская; может стать, и сам себе дракон. На поединок никто не является, но рыцарь продолжает путь с удовольствием, по дороге пронзая копьём афоризмов всякую падаль. «Ну, и что тут у тебя такое?» – спрашивает он холодно и насмешливо у кривого, обременённого мира, потерявшего Дух воинственности. – «Как и чем ты теперь поживаешь?»

Он не живёт здесь. Он разглядывает формы испорченного бытия бесстрашно и беспощадно – шпион, разведчик, номад с Других берегов.

Он – тот, «кто глядя вслед отливу божественного Логоса, сказал: “Я остаюсь” и услышал ранее никогда не слышанное “Без меня...” – как последний отзвук вещей глаголов». Мир украден Большим Вором и тотально подменён, его вещи фальсифицированы. Но где-то ведь есть платоновская пещера, где хранятся эйдосы, идеалы, чистые идеи вещей. Там есть невидимая фотография, неизмеряемое пространством время и неслышимая музыка – возможно, если до этого мира пока не добраться, то до него можно... додуматься. Думать, думать, и чугунная морда реальности возьмёт да и просквозит чистым воз-духом настоящей Софии, возлюбленной всяким настоящим фило-софом.

На лице Секацкого читается готовность оказаться в этом мире немедленно. Чудо петербургское! Сын военного лётчика Куприяна Секацкого, исключённый с философского факультета ленинградского Университета в середине 80-х годов за антисоветскую пропаганду и ставший нынче его доцентом и гордостью, он из тех достоевских людей, которым «не надобно миллионов, а надобно мысль разрешить». Если бы я узнала, что Секацкий где-то как-то подшустрил для личной выгоды, я бы упала в обморок. Корыстной соображаловки в нём нет не просто так, а до степени изумления. Да ему и не нужен почёт от пластмассовой цивилизации – ему подавай золотую славу, на века.

Однажды я наблюдала такую сценку: господин Ля-Ля, ничтожный писака, стал вязаться к философу с дурацкими претензиями – дескать, а что это вы так непонятно пишете? (клевета! Секацкий пишет упруго и ясно, с немецкой основательностью и галльским остро-словием). Александр, спокойный, как удав, молвил: да-да, я читал вас, господин Ля-Ля, всё это понятно, техника сиюминутного реагирования... но где же ваша чаша Грааля? Писака поперхнулся, а общество покатило со смеху – для господина этого «чашей Грааля» было корыто для свиней из интеллигенции, куда власти сливают помои (он его вскоре отыскал). Но я теперь всякий раз, когда бес мелкого толкает меня на убогое, повседневное существование в слове, вспоминаю Секацкого с его чашей. Он прав, двигаться можно и должно только вперёд и выше, гладить против шерсти, а играть по-крупному. Почему дух так унижен сегодня, а мыслители (в лучшем случае) загнаны в университетские резервации? А потому, что измельчавший и выродившийся мир не выдержит сколько-нибудь дружного духовного напора –

развалится. Духовная угроза существует, целых несколько людей в России носят её в себе и кормят собой. Есть эта угроза и в Секацком. Он опасен – особенно для слабых умов.

На сегодняшний день познакомиться с уникальным мыслителем можно, читая его книги, из которых наиболее доступны: «Три шага в сторону» (Амфора, 2001), «Сила взрывной волны» (Лимбус Пресс, 2004) и «Прикладная метафизика» (Амфора, 2005). Читатель много получит за свои денежки – чего стоит хотя бы гипериздевательский «путеводитель по философии: версия Секацкого», блистательно разделяющийся с мнимыми формами мышления в их идиотическом разнообразии. А сравнительный анализ поведенческих моделей сказочных антагонистов – Колобка и Пирожка! Древние утверждали, что божество опознаётся по запаху излучаемого им божественного озона – так и настоящий мыслитель узнаётся по чувству радости, лёгкости и особого наслаждения. «Холодное, лёгкое, чистое пламя победы моей над судьбой» (Ахматова). Вот и читая Секацкого, становишься лёгким, весёлым и холодным. Таковы ободряющие свойства присутствия духа – лучшего друга человечества.

Этот долговязый, сухопарый софист, фигурирующий под собственным именем уже в добром десятке питерских повестей и романов (ярок, хорош – писатели пленяются), не одно поколение соблазнил платиновым блеском своего изощрённого ума, но принял ли кто-нибудь от него главный завет, знаменитую «честность самоотчёта»? Себе врать не смей, учит сын военного лётчика Куприяна. Вот что ты сегодня сделал, прочёл, осмыслил? Где твоя чаша Грааля? Ничего не сделал и не осмыслил?

Тогда хоть почитай Секацкого, что ли.

Как я развалила Советский Союз

До 1991 года я за границей не была (если не считать студенческую поездку в Венгрию с актёрами курса эстрады, которые научили меня всему, что должен уметь образованный театральный человек – а именно, пить водку, не меняя выражения лица и ругаться матом в рифму). А в роковом девяносто первом мой муж получил синекуру в Гарвардском университете – что-то вроде полугодовой аспирантуры. Он прилежно учил английский, прервавшись в дни путча на общенациональные переживания, а я беспечно пасла годовалого ребёнка, время от времени совершенствуя умения, переданные мне актёрами курса эстрады. Хотя американская мечта позволяла моему мужу взять с собой жену, мне в это как-то не верилось. Чтоб вот так сразу и в Америку? Надо же как-то постепенно... начать, например, с Дании...

Договорились, что я прилечу в декабре. Муж оставил мне приятную даже на вид сумму денег и огромное количество вспомогательных телефонов. Гуд бай, май лав! И тут обнаружили два обстоятельства.

Во-первых, сила притяжения родной земли угрожающе возросла. Я не могла получить ничего – ни визы, ни билетов. Нужные люди заболели, убывали, пропадали просто так, без предлога. Было ощущение, что я очерчена магическим кругом. Во-вторых, как известно, в Советском Союзе была материя двух видов – «продтовары» (еда) и «промтовары» (всё остальное), и если промтовары исчезли в 1990-м, продтовары стали нас покидать как раз в 1991-м. С коляской и рюкзаком за плечами, я с утра отправлялась за едой, которая могла появиться внезапно в любом месте и тут же испариться. Однажды после двухчасовой охоты мне удалось добыть феноменальный продуктовый набор: миноги и хурму. Это не была голодная смерть, но это была очень затейливая жизнь – питаться несколько дней миногами и хурмой!

Наконец виза была получена, но билетов в Америку не было никаких до конца года. Я купила карту мира и задумалась, обнаружив Берингов пролив. Возникла идея попасть в Америку со стороны этого пролива, поскольку виза-то у меня была и меня обязаны были пустить! Однако никаких путей сообщения возле пролива не пролегало. Собаки? Олени? Местное население? Водка нужна! – так размышляла я, сидя за столиком в Доме кино и обсуждая ситуацию с товарищами. Постепенно моя горестная фигура стала достопримечательностью Дома кино.

– Вот, – показывали на меня, сидящую, как всегда, за картой мира. – К мужу хочет...

В общем, однажды возникли Люди. Двое. Они приказали мне 22 декабря ехать с ними в аэропорт, хотя они ничего гарантировать не могут. Как была, в джинсах, с дамской сумочкой, в разбитых ботинках и шубе из неизвестного зверя, я с Людьми приехала в аэропорт. Мы погасили в машине свет и сидели часа два. Люди вели разговоры. Я такого больше не слышала никогда.

– Ты думаешь? – спрашивал Первый у Второго.

– А что тут думать? Тут думай не думай, дело ясное. Думать он собрался.

– Ну, это как сказать. Возможен и другой путь. Не так всё просто.

– Другой путь – он, знаешь, где? Не смей меня. Нет, вот сколько тебя знаю, ты в своём репертуаре.

Так прошло два часа. Внезапно Второй сказал Первому: «Пора выдвигаться». Они ушли, а через сорок минут я сидела в самолёте, не понимая ничего. Помню, что кто-то вдруг выкрикнул мою фамилию, помню пачку денег, которую я сунула Людям... Самолёт летел, я наливалась неизвестными дринками и дремала, оглушённая событиями...

... Чёрный таможенник, грозный и приветливый, как дух Америки, посмотрел на меня вопросительно. Я улыбнулась и показала на сумочку – единственный мой багаж. Так я при-

была в Америку – без багажа, без копейки денег, в драных джинсах. Духу Америки это явно понравилось. Добро пожаловать! – сказал он мне, посмеиваясь.

Ну, что будем делать? – спросил меня уже совсем американизированный муженёк. Он был в мексиканском свитере и с длинными волосами – не стригся из экономии. (В другое время я бы сказала ему всё, что надо, но он опоздал к залу ожидания минут на двадцать, и вы можете себе представить, что я за это время пережила и каким спасителем показался он мне, так что было не до волос.) Я вспомнила, как ведут себя американские туристы в России (Водка, Кремль, икра, балалайка) и дала симметричный ответ: «Статуя Свободы. Бродвей. Кино. Попкорн!» И мы пошли по плану. Ботинки мои попали в урну в первый же день моей американской жизни. После питания миногами в замёрзшем отечестве, мне понравилось в Америке вообще – всё.

А через неделю, в гостях у нью-йоркских друзей, мы посмотрели новости из дома... Вот оно что. Вот почему держала меня родная земля. Стоило мне уехать, как развалился Советский Союз!

Смутное чувство вины я заглушила ударным трудом. В конце концов, преступление недоказуемо. И вообще, во всём виноваты те Двое, из машины, которые меня пропихнули в самолёт.

Где-то они теперь, голубчики мои?

Идиотки

Современные цивилизованные женщины склонны к публичному самовыговариванию, это факт. Так много и охотно про себя и своё им не приходилось говорить никогда. Женское самосознание – прежний удел одиноких монстров – льётся водопадом из всех средств массовой информации, и большинство женских книг написаны от первого лица. Многое здесь по-настоящему интересно и познавательно. Но куда больше вестей мы получаем из царства пошлости. Почему-то это странным образом злит и обижает: вот точно какая-то надежда была на женщин, пока они молчали. Казалось, там живёт какая-то чудесная музыка, которую не пересказать обычными словами. Но вот Прекрасная дама открыла рот – и оказалась Бриджит Джонс.

В мире гламура книгу про Бриджит Джонс цитируют куда чаще Библии. Тихая дурочка, страдающая хроническим алкоголизмом (пьёт она 250 дней в году) и острой ненавистью к контурам своего тела (при весе в 130 фунтов, то есть 59 кг, Джонс вопит об ожирении), пришлось по вкусу дамскому миру именно из-за чистоты своего идиотизма. Даже обладательницы небольшого ума чувствовали, как далеко они ушли по лестнице эволюции, чем скорбная головой Джонс. Наверное, дневник краба или синицы был бы более содержательным, чем этот реестр вздора, летопись пустяков, хроника бессмыслицы. Мужчине, который вдруг вздумал бы заглянуть в эту книгу, анонс обещает раскрытие тайны загадочной женской души, и действительно – тайна древней загадки выясняется без труда.

Тайна заключена в молчании женщин. Это дивное оружие когда-то вручила им природа-мать, из любви к своим бедным девочкам. Молчание окутывает присущую большинству женщин естественную недостаточность рационального сознания (в которой они никак не виноваты – недостаток сознания у женщин необходим для их выживания) своим хитрым золотым покрывалом. Та, что откидывает покрывало, рискует предстать пред миром в ужасающей наготе своего маленького бедненького ума, где главными вопросами являются – есть или не есть сегодня шоколадку и почему Джон/Иван не звонит после первого раза. Детка, хочется сказать ей ласково, ешь ты шоколадку или не ешь, один хрен, Джон/Иван всё равно не позвонит после первого раза, потому что вас, идиоток, много, а он один. Но это не поможет. Трагедия полу-сознания, недо-сознания в том и заключена, что на рациональный, самовыговаривающийся лад перестроился какой-то небольшой кусочек мозга и устроил нечто вроде диктатуры – круговой клетки, по которой всё ходит, и ходит, и ходит несчастное женское «Я». И всё будет одно и то же – подсчёт калорий, диеты, подруги, алкоголь, тряпки, на смену Джон/Ивану придёт неотличимый от них Майкл/Максим... Бриджит Джонс тридцать лет, а она дитя, невыросшая девчонка. Сто лет назад она вышла бы замуж за соседского парня и к тридцати годам была матроной, матерью двух-трёх детей. А что сейчас? Ни пава, ни ворона. Выбилась из традиционного круга жизни и попала в клетку полу-сознания.

Книги в духе «Бриджит Джонс» есть теперь и у нас. Тип героини в них несколько отличается от европейско-американского: нет честности самоотчёта, протестантского трезвого самоанализа. Бриджит по крайней мере и сама знает, что она идиотка. Наши же идиотки любят возвеличивать себя и любоваться собой (скажем, героини Оксаны Робски), особенно если получилось выбиться с проспекта Большевииков аж на Рублёвское шоссе. Человек с развитым сознанием не может принять Рублёвское шоссе в качестве земного рая, это рай для идиоток, к тому же идиоток аморальных, превративших жизнь в источник сладких ощущений. Корысть, нечистоплотность и хищные повадки всегда отличали буржуазную женщину, но как долго у неё хватало ума тихо обделывать свои делишки и молчать об этом! Всё – ум у женщин закончился, тот тайный природный ум, который подсказывал им: *делай да помалкивай*. А другой, настоящий, Богоподобный разум достаётся немногим.

Тихих дурочек вроде Джонс даже как-то жалко – писательница наградила её в финале богатым мужем, но мы же знаем правду. Какие уж там мужья у тридцатилетних алкоголичек. Хищных аморальных тварей, вроде героинь Робски, не жалко совсем. Они Вселенную сожрут и не подавятся. Но в целом положение дел с женским самовыговариванием настояживает. Своей настоящей силы женщины с полу-сознанием не понимают. Пишут плохо, говорят ещё хуже. Часто видишь: идёт красавица, волосы льняные, глаза небесные, открывает рот – и плоским, глупым, резким голосом верещит что-нибудь вроде: «Ну, блин, они офигели, ваще!». Это всё читательницы Робски и Филдинг. Нет, если в числе женских приоритетных задач по-прежнему фигурирует задача склонения мужчин к половому акту, то лучшего оружия, чем мудрое молчание, вручённое природой, не найдёшь. Девочки, молчите. Не рассказывайте про свои диеты, помады, телефонные мучения, не выдавайте жалких своих секретиков. Запирайте свои космической глупости журнальчики в кладовке, чтоб ваш бойфренд не дай бог не открыл и не прочёл. Включите телек, а там женское ток-шоу: сразу выключайте. Ничему хорошему вас не научат ни Лолита, ни Оксана, ни прочие демоницы. Никогда не говорите своего мнения ни о чём увиденном и просмотренном. Не пишите дневников. Книг тоже не пишите – книги пишут не женщины, а монстры в женском обличье, вроде меня. Я за вас напишу. За нас, за монстров, беспокоиться не надо – мы своё возьмём без вариантов. Не ходите за нами – наш путь угрюм и одинок, и нам особый закон положен. А вы, дочки природы-матери, будьте, как облака, как озёра, как цветы или грибы – прекрасны без слов. Эта заболтанная цивилизация вас погубит, всё отнимет – и ничего не даст взамен. Слушайте музыку, играйте с детьми, приобретайте хорошую профессию, любите мужчин просто так, без рассуждений.

Не превращайтесь в говорящих идиотов.

Вольно!

Вспоминая девяностые...

Однажды мне довелось увидеть Бориса Абрамовича Березовского.

Это случилось 9 ноября 1998 года. В Москве, в помещении верхнего буфета театра имени Моссовета, после спектакля «Горе от ума». Там Олег Меньшиков праздновал свой день рождения, и вот, желающие поздравить артиста прибыли и соединились в некое общество. По тем временам – высшее. Судите сами: Никита С. Михалков, Борис А. Березовский с женой Еленой, писатель Виктор Пелевин, драматург Евгений Гришковец, артисты Нонна Мордюкова, Александр Балуев, Владимир Ильин, Евгений Миронов, литератор и жена А. Вознесенского Зоя Богуславская и многие другие. Почти что бал! У всех приближённых к принцу Грёзе было приподнятое настроение.

Автор «Чапаева и пустоты» держал Меньшикова за руки и, почему-то поминутно целуя его то в левую, то в правую щеку, пытался рассказать буддистскую притчу про ад цветных металлов, который предназначен специально для актёров. «Но это к вам не относится!» – патетически восклицал писатель, мужественно удерживавшийся на ногах, тогда как всё его измученное многолетней интоксикацией тело молило хозяина об ином. Михалков, с трудом вытерпевший часа полтора всеобщего внимания не к себе, наконец не выдержал и отправился к роялю петь песни Шпаликова, властной рукой оттянув жар вечеринки от чужих чёрных глаз к своим зелёным. А Борис Абрамович сказал тост в честь артиста, запомнившийся, кстати, Пелевину, потому что тот вставил кое-что из этого текста в свой роман «Поколение П.».

Березовский был таким же, как на экране телевизора – маленький, аутичный, кажущийся печальным, ничего не излучающий. Он поблагодарил Меньшикова за доставленное сегодня удовольствие. «Я даже не заснул, как обычно, – признался олигарх. – Вы, Олег, уносите нас в прекрасное, фантастическое царство, где мы забываем, насколько мерзка жизнь... – Тут Березовский саркастически и скорбно засмеялся. – Вы даже не представляете, насколько она мерзкая, эта жизнь...» И он выдержал хорошую артистическую паузу, чтобы мы представили, насколько мерзка жизнь.

Впервые за весь вечер я почувствовала раздражение. «Может, это именно ваша жизнь мерзка?» – хотелось мне спросить у Бориса Абрамовича. Я архаична и не люблю, когда стреляют в солнце, плюют в воду и обзывают жизнь. В тот день я была весела и счастлива. «Горе от ума» с Меньшиковым я, бедняжка, смотрела пятый раз...

Я вспоминаю, как в восьмидесятых, учась на театроведческом факультете, придумала фантомную писательницу по имени Аграфена Свистунова и сочиняла для местной стенгазеты разные интервью от её имени. Например, её спрашивали: «Аграфена Ивановна, а вы страдали при советской власти, в эпоху застоя?», на что моя девушка отвечала: «Да, конечно, страдала. Молодой человек, на которого я рассчитывала, на мне не женился, а женился совсем другой, на которого я, признаться, совсем не рассчитывала». Вот и про девяностые годы я могу сказать – это для меня годы личной, собственной, никому, кроме Бога, не подотчётной, свободной жизни. С множеством страданий и радостей, с потерями и обретениями. И рассуждая про эти годы, про их вкус и цвет, надо понимать – для каждого человека, для каждой семьи тут своя история.

История того, как мы распорядились дарами – например, свободой слова, которая реально была нешуточной, свободой передвижения и свободой зарабатывать, личным вре-

менем, своими талантами, у кого они были. С меня же на Божьем суде не спросят ни за Ельцина, ни за Березовского. С меня спросят за меня.

В 1990 году родила я ребёнка Николая. Это был занятный год. Зарплаты стали расти, а «промтовары» (так в СССР назывались все несъедобные вещи) исчезать. Народ бегал по магазинам и скупал всё – отрезки тканей, постельное бельё, драгметаллы, посуду. Я, помнится, тоже решила принять участие в общем процессе. Деньги были. Я купила ярко-красный кооперативный джемпер с люрексом, обтянутую бархатом брошку с розочками в дивном мещанском стиле и полотенце с множеством цветных полосочек. Все эти вещи живы до сих пор. Не то чтобы я была непрактична, как чокнутый профессор, – я вела свой корабль довольно уверенной рукой. Другое: какое-то дурацкое, необъяснимое чувство, что «а, пустяки, обойдётся». Дал Бог ротик, даст и кусочек. Проживём!

Тем более у меня была такая роскошь, как живой собственный муж, и муж шевелился, зарабатывал – в 1992 году мы меняем квартиру. Блочную распашонку на первом этаже в Купчине – на трёхкомнатную (фактически четырёхкомнатную) на Петроградской стороне, доплата – три тысячи долларов всего. Пару лет квартира стоит как игрушечка, потом начинается обвал – последние пионеры, что мы понимаем в ремонтах? Да что мы все вообще понимаем в том, как теперь жить в этой самой свободной России?

Я – мать, жена, у меня двое детей на руках, мальчики. Замуж я вышла в 1988 году, в солидном уже возрасте – мне было 29 лет. Стало быть, разбойничьи девяностые – моё золотое время. Я ничем не болею вообще, только толстею потихоньку. Мне повезло, я знаю – я из меньшинства, из тех, кто живёт по своей воле, и, в силу особенностей своей личности, я остро и, может быть, чрезмерно, переживаю жизнь всем чувственным аппаратом. Поэтому наиболее адекватно передала бы мои переживания какая-нибудь песенка, где в куплете – тоска зелёная, а в припеве – бешеное веселье.

Один за другим уходят «отцы», покровители, помощники, те, кто заботился, пестовал, бескорыстно тратил время. В 1996 году умирает мой драгоценный учитель, Евгений Соломонович Калмановский, оригинальный мыслитель, театровед и писатель. В этом же году – Анатолий Яковлевич Альтшуллер, возглавлявший сектор источниковедения в Российском институте истории искусств, где я тогда работала. 1999 год уносит родного папу, Владимира Евгеньевича. «Серёжа, – сказала я как-то мужу в тоске. – Смотри, мы остаёмся за старших, а какие из нас на хрен старшие?!» Некому жаловаться. Некогда плакать. Надо заполнять огромную пустоту, *русскую дырку*, заполнять её собой, своим дыханием, словами, письмами, страстями, делами, мыслями, песнями – иначе она сожрёт тебя. Пока о свободе только мечтали, не могли разглядеть в цветном тумане её другого лица – вызывающего тоску и страх. В общей русской судьбе – всё злило, мучило, оттого что – не исправить, не повлиять. И надо с этим жить, с этим и с этими – с людьми с этими, бок о бок. А они такие противные, Господи! А других нету, вот как.

Всё, что выползло и раскорячилось на русской дороге в девяностых – выползло из-под черепа рождённых в тридцатых – восьмидесятых. Гигантская проекция всех скрытых комплексов советского человека, фантазмагорическая реализация грёз «начальников» и полная сбывча мечт бывшей «сферы обслуживания». *Их домики, их песенки, их киношка, их мораль, их вкусы вообще*. К сожалению, это мусор. К сожалению, потому что мещанский стиль может давать эстетически ценные плоды, но обывательский угар девяностых оказался бесплоден. Подвёл излишний размах, русский беспредел. Фигус хорош в горшке, на окошке домика. Фигус, отлитый в бронзе, двадцати метров вышиной, стоящий на главной площади городка, решительно нехорош. Обыватель, вырвавшись на свободу, потерял уют, меру, цель (затаиться и выжить), потерял место в иерархии. Потому что больше не было иерархии. Плевать ему было на Родину вообще. Это отдельные публицисты, верные пациенты доктора Чехова, волновались о том о сём. А люди посмеивались в усы и прибирали что где плохо лежало.

А запустение России продолжалось. К руинам русской православной цивилизации стали добавляться руины русской советской. Неужели я дожидая до *обратите внимание – перед вами остатки пионерского лагеря?* – невероятно. Не может быть. Я не любила яркие, фасадные приметы советского строя – лозунги, плакаты, статуи, демонстрации. Это был кислый, неуклюжий дизайн, выполненный циничными мастерами без задора, скучно и аляповато. Но другие, не фасадные, а реальные ценности исчезающей советской цивилизации было жаль отчаянно – действительную грамотность, «книжность» населения, тип человека-правдолюбца, поучительный, чистый кинематограф, реалистический жизнеподобный театр... При этом было очень приятно познакомиться с продуктами, которые явились на Русь дружной вереницей, от авокадо до яиц перепелиных. Началось великое соитие с товарами и услугами. Материя взяла реванш. Дух потеснился – а сочетать и то и другое мы пока не умеем. Мы, в сущности, варвары, ужасно неловкие, косолапые. Или авокадо, или в библиотеку – а так, чтоб вместе?! Как это?!

Ну, Бог с нами. Я всё хотела дописаться до Бога, мудрствовала о Боге. В 1995 году совершила каторжный, монастырский труд: завершила исследование «Бог в творчестве А. Н. Островского». Четыре авторских листа и приложение. В приложении была таблица – я подсчитала, сколько раз в каждой пьесе Островского упоминается «Бог». Три месяца жизни, ни капли алкоголя. В июле этого же года довелось мне креститься – и самым чудесным образом.

Никита Михалков вывозил часть гостей Московского фестиваля на Волгу, к Макарьевскому монастырю. Весёлый самолёт, набитый именитыми гостями, среди которых красовался и сам Ричард Гир, тогда слывший звездой, прибыл в Нижний Новгород. Нас покормили и погрузили на корабль, который всю ночь болтался по Волге, изображая далёкое путешествие, – на самом деле до монастыря от города плыть около двух часов. Все мероприятия с Никитой Сергеевичем напоминают «День сурка», включающий обязательные элементы – казачьи песни, возлияния, соло про шмеля. Это хорошо, напоминает вечность, пиры богов. Там тоже нет ничего нового. Вот, значит, мы веселились всю ночь, а утром приплыли к Макарию на Жёлтых Водах. И пошли под шатры, где разливали уху в деревянные миски, и опять запел казачий хор. И тут муж Серёжа вдруг спросил: «Матушка, а ты креститься не хочешь?» Пошёл, пошептался что-то с Лидией Федосеевой-Шукшиной, с матушкой-настоятельницей – и взяли и окрестили меня, в монастыре, в воскресенье! Долго, подробно, как по чину следует. И в жёлтой – действительно – местной воде искупали меня. Чуть на свой пароход я не опоздала – но матушка-настоятельница замахала платком, и корабль вернулся. Грянуло солнце с неба, а по трансляции громыхал шалашинский бас. Передо мной расстилалась Волга, за спиной был родной монастырь. Я глотала холодное сладкое шампанское и плакала. Моя Россия, ты не оставила меня, ты здесь, ты со мной.

Чудо чистой Божьей жизни невыносимым счастьем обжигало сердце.

В час роковой

Признание автора

«Веди рассказ от первого лица и доживёшь до самого конца» – милая шуточка Владимира Набокова.

До конца жизни, в немногочисленных унылых интервью, писатель, дерзнувший рассказать «Лолиту» от имени и по поручению взбесившегося «Я», без всякой надежды на понимание сообщал, что он лично – «пожилой господин, ненавидящий насилие», и не только не жил никогда с малолетками, но даже и знакомств с ними не имеет. Я-то ему верю. Да только что толку? Дописав последние страницы своего первого романа «Смерть это все мужчины», я мужественно приготовилась «отвечать за базар». По надутым губкам и дрожащим от обиды подбородкам моих мужских друзей было понятно, что не отвертеться мне, что никакими ссылками на художественность и вымысел не оправдаться мне, и потому следует признать честно: да, книга моя – удар, и от неё – больно. Я сделала именно то, что хотела. То, что задумала ещё десять лет назад, когда мне впервые стала мерещиться моя бедная русская девочка с ножиком в руке и вечным непощением в страстном сердце.

«Все мужчины» – казалось бы, такая же химера, как «все женщины», это в быту-название психоза, с которым мы живём «всю жизнь», подкармливая наше чудище кто чем может. В обыденном течении жизни можно отогнать чудищ варевом ежедневной пошлости: даже громко рассказанный сальный анекдот как-то разрежает атмосферу. Все мужчины подлецы, все женщины бляди. Всё так забавно, в общем-то, ну, у одних палочка, у других дырочка. Придумано занятно, и ничего страшного. Но вот наступает «час роковой» – и серый мир становится чёрно-красным, и в молниях, освещающих мгновенно сотворённый хаос, мелькают те, первоначальные, Божественные лики – Мужчины и Женщины. Разгневанные и тоскующие лики влюблённых и поссорившихся богов. «Все мужчины» – Его плоть, «все женщины» – Её. Нами они любят, нами ссорятся, нами же и мирятся.

Но с нас им нынче... как с той паршивой овцы – разве шерсти клоч.

Нынешние, тутошние женщины читают пакостные советы в журналах о том, как оболстать мужчину, – сами уже не умеют, разучились. Красота пошла на панель и ходит там с видом полного благополучия. А тот М, которого хотят заполучить Ж, – победоносная, самолюблённая свинья, пожирающая землю, агрессор и самодур. Да, ненавижу. Убийцы. Предатели.

И вокруг – море слабых, тоскующих, заблудших, в которых пол-то едва шевелится. На жизнь бы сил наскрести, на бедную жизнёночку, а вы говорите – страсть, гроза, мир в свете молний! Ужас какой-то.

Да Господи ты Боже мой, разве я не люблю покой, чистоту, достаток, изящество быта, уют отлаженных отношений? Люблю. Никогда, в самой сильной любовной обиде, в самой несносной любовной тоске не прибегала я к средствам чёрной магии, а, отплакавшись, махала рукой – ай, ладно, в другой раз, может, что получится. Из моего большого круглого живота, похожего на пшеничный хлеб, вышли двое сыновей – стало быть, эти проклятые «все мужчины» – просто-напросто моя частица, фрагмент меня. И не выглядывает ли из-под страстной, трагической маски моей героини весёлый и любопытный глаз неунывающего Автора, которого явно забавляет всё то, что так ранит её?

Но – «если что знаешь, скажи». И я сказала, что знала: разгневана Богиня-Мать. Земля, над которой мы издеваемся, природа, которую мы оскверняем, любовь, которой мы боимся.

Всю нашу игрушечную жизнь, весь наш жалкий кукольный театр может смести этим гневом – да откройте глаза-то! – уже сметает...

Примирение? Да чего же лучше, кабы мы, «все мужчины» и «все женщины», зажили в любви и мире. Только я не из тех, кто согласен на мир любой ценой. Я не отдам своё – любовь к высоте человеческого духа, мечту о России, поэзию, поиск истины, обожание природы, гордое личное время, выстраданную свободу – за снисходительное разрешение и мне «быть умной» и участвовать в мужских играх на правах «товарища специального устройства» (выражение Андрея Платонова). Я не хочу выпрашивать любовь, а хочу стать лучше, совершенней, выше, и всем то же советую. Я получила одиночество не как награду или наказание, а как естественную среду обитания, как благословенную келью. Я, ребята, взвесила ваш мир и нашла его довольно лёгким. И очень противным.

А потому – прочь, прочь отсюда, мой острый и насмешливый дух! Какое нам с тобой дело до этих мужчин и этих женщин? Мы ещё повоюем, мы увидим другое небо и другую землю, мы найдём людей моего племени, умеющих любить и ненавидеть, мечтать и петь, и умело хвалить сердитых богов, и выдумывать жизнь цвета солнца, и строить прекрасные города для благородной жизни... Моя бедная девочка Саша сошла с ума – вот дурочка. Ей просто надо было написать роман.

Здравствуй, грусть

Хорошие люди и в изрядном количестве попадаются мне на глаза в общественном транспорте. Они прилично, без пестроты и претензий одеты, ведут себя сообразно нормам достойного поведения, но на их милых бледных лицах разлита тонкая и неизбывная печаль. Такое впечатление, что передо мной не бодрый электорат Валентины Ивановны, а верные почитатели Алисы Фрейндлих, ведь только этой актрисе было суждено сполна воплотить эту особенную, замешанную на стоицизме и благородстве, утончённую петербургскую печаль, особое страдание, возвышающее и омывающее душу до чистого звука.

Не всякое страдание ведь очищает. Страдание предателя, растолкавшего в остервенении запоздалого аппетита своих товарищей, дабы единолично занять выгодное местечко на помойке новой идеологии, не поможет его больной и грязной душе. Чистота достижима лишь от труда возвышения. Более двадцати лет назад в судьбе Алисы Фрейндлих произошёл драматический перелом – из её жизни ушёл и любимый театр, и любимый человек. Но за все эти годы никто не услышал от актрисы ни одного резкого, досадующего, негодующего слова о них. В бурном потоке лихих мемуарных откровений нынешних лет мы не найдём голоса Фрейндлих.

Когда-то подобные каноны – каноны благородного господского поведения – были естественны для оранжереи дворянской культуры России. Однако Алиса Бруновна – не графиня, не княгиня. Она родилась в Ленинграде, в почтенной интеллигентной семье. И вот, как ни ругай интеллигенцию (и есть за что), придётся признать: только здесь во втором, в третьем поколении, а иногда и в первом, возможно воспроизведение канонов благородства. Больше надеяться не на что – дети «элиты», правящего класса, в благородном поведении пока не замечены. А замечены частенько в развязности, корысти, вульгарности и маниакальном стремлении к почётным должностям в новообразованных банках.

На юбилейном вечере Фрейндлих в БДТ на сцену вышел милый квартет: губернатор Валентина Матвиенко, полпред президента по Северо-западу Илья Клебанов, председатель Законодательного собрания Вадим Тюльпанов и руководитель федерального агентства по культуре Михаил Швыдкой. Люди несли себя гордо, без рефлексии. Откуда и взяться рефлексии. Вот на днях Валентине Ивановне была присуждена премия «Национальная гордость России», за «выдающееся укрепление региона». Интересно, как бы вы ходили в качестве национальной гордости великороссов, выдающимся образом и всего за один год укрепив регион? Начальники что-то отрапортовали, а потом Михаил Швыдкой, заранее радуясь удачной шутке, подарил Фрейндлих корзиночку с набором вещей, нужных для дома – молоток, лампочки, гвозди. «Гвозди я стырил со строительства Мариинского театра», – весело объяснил он. «О, теперь понятно, куда всё пропадает», – очаровательно отшутилась Алиса Бруновна. Экспроприированные гвозди преподносил актрисе руководитель культуры. А перед ним и была – культура. Неужто он серьёзно думает, что ею руководит?

Пока что в городе торжествует «затхлая атмосфера провинциального чванства» (выражение Томаса Манна по другому поводу). Настоящую печальную красу Петербурга и его жителей покрывает пёстрая, бойкая пошлость, и здесь дизайн городского телевидения находится в полной гармонии с общими установками. Вглядитесь в зимнее освещение, в гирлянды лампочек и могучие чупа-чупсы на набережных, изрыгающие фонтаны огней, в новые пешеходные зоны, и вы поймёте общий корень происходящего. Этот корень – в отсутствии корней. Вид и судьбу города определяют люди, о которых далеко не понятно, понимают ли они, ценят ли, чувствуют ли город? Мещанские пристрастия к нарядненькому, новенькому, обязательно блестящему становятся жалким стилем современного Петербурга. Дешёвыми блёстками, грошовыми претензиями, серпантинном пустых слов осыпана

его страдальческая красота, его честная бедность, его продолжающееся, несмотря ни на что, духовное напряжение.

Жизнь человека в крупном городе устроена так, что большинство людей он может повстречать лишь единожды. Я смотрю на бледные лица петербуржцев, мы обмениваемся сдержанными, но любезными взглядами... Должно быть, мы больше никогда не увидимся. Но всё-таки я могу мысленно обратиться к вам. Давайте не выступать в этом фарсе – ни в каком качестве, даже в качестве зрителей. Ведь можно сочинить некий кодекс чести петербургского бойца. Например, не участвовать в наиболее позорных средствах массовой информации, не читать их и не смотреть (мой личный список возглавляют «Пятый канал» и газета «Петербургский час пик»). По возможности не участвовать ни в каких мероприятиях городской администрации. Ни словом ни делом не поддерживать известные партии и их фракции и комитеты. При любом случае выражать общественное презрение к фальшивым почестям, лживым обещаниям, недостойному поведению официальных лиц. Искать единомышленников, постепенно объединяться – для грядущей битвы. Спокойной и честной битвы настоящего Петербурга – с тупым и злым мещанским чванством, хвастливой пошлостью, агрессивным стяжательством. Если город решится на такую битву, он имеет шансы стать настоящей духовной столицей России и дать отпор подлому и мерзкому обожеествлению денег – настоящей официальной идеологии и практике правителей страны. В такой войне и пасть не зазорно.

Трагедия колпака

Как много в жизни простой, обыкновенной печали! Трагедии и драмы вершатся буквально под нашими равнодушными ногами. Об одной такой трагедии я вам сегодня расскажу, и вы поймёте, что всегда знали об этом. Знали – но не осознавали, проходили мимо, не задумывались. А задуматься есть над чем.

В таинственном грибном царстве существует такой гриб – колпак кольчатый, он же лесной шампиньон. Он широко распространён у нас на севере, и по очертаниям своим действительно похож на классический шампиньон, только шляпка у него желтовато-мучнистая с сизым налётом. Колпак кольчатый принадлежит к съедобным грибам высшей категории и по вкусовым качествам не уступает ни белому, ни тем более моховикам-маслятам. Особенно хорош свежеподжаренный. В обработке прост: не надо ни вымачивать, ни снимать кожицу, проверил на червивость – и в дело. Колпак растёт, как правило, многочисленными семействами, и в сезон можно нарезать в бору целую корзину колпачного молодняка за каких-нибудь полчаса.

Итак, всё отлично! За короткий срок, почти что в любом лесном уголке, всякий может собрать изрядное количество превосходных съедобных грибов высшей категории. Колпак кольчатый есть во всех определителях. Его трудно спутать с чем-либо. В отличие от прочих народов мира, русские используют грибы без сакральных целей, просто так, в обыденную пищу, и приспособились переваривать их без проблем. Ну, так о нас вроде как позаботились – вот тебе, Ваня, колпак, кушай от пуза и веселись.

Но нет на свете русского счастья. Нет – и всё тут. Неизвестно от каких причин невинный, вкусный, честный колпак давным-давно стал жертвой дружной народной ненависти. Берут его только единицы, отщепенцы, которых не страшит презрение и смех народа, обнаружившего в вашей корзине «какие-то поганки». Колпак гибнет под ногами лесной толпы, его пинают и давят с особым каким-то наслаждением. Толпа не может спокойно пройти мимо непонятого гриба – нет, его сшибают, уничтожают, расплющивают, расшвыривают по лесу с неутомимой и неутолимой злобой.

Но расправа над колпаком тщетна – его много, очень много. Если он всерьёз пошёл – то весь лес устлан, сколько ни сшибай, как ни глумись, его не истребить. Нет, люди продолжают топтать бедные колпаковы головки каждый год, каждый раз, ведь не надоест, и в ум не войдёт – а хорошо ли я делаю? Нет и тени сомнения в своей правоте! Колпак ощущается массами как враг, мерзкая тварь, которую надо давить и плющить. Но почему?

Колпак объективно всем хорош. (Скажем, в Латвии его издавна собирают, называя почему-то «курочкой».) Но прекрасным и замечательным качествам колпака никогда не пробиться через главное русское убеждение: ХОРОШЕГО МНОГО НЕ БЫВАЕТ. То, что растёт в изобилии и как бы напрашивается на съедение – наверняка подстава и провокация. За путным грибом надо гоняться и охотиться, выискивать его. Не может он стелиться под ноги, как дешёвка. Даже те знатоки, что понимают ценность колпака, собирают его как-то нехотя, без вдохновения, чаще всего, когда других грибов нет или их выбрали. Множественность отбивает вкус охоты и соревнования. Станный факт, что съедобный гриб высшей категории позволяет себе плодиться в таком огромном количестве – или генеральная ошибка его стратегии, или, наоборот, гениальная хитрость. Как посмотреть. Если всё дело в простом сохранении и размножении вида – тогда изобильное существование колпака можно счесть лукавством, отпугивающим потребителя. Но если высшей ценностью жизни гриба является слияние с людьми (что весьма вероятно, а иначе зачем поганые грибы так хитро маскируются и мимикрируют под хорошие?) – тогда перед нами трагедия, господа. И очень русская притом.

Это трагедия всего честно-хорошего, простодушно-искреннего, которое в наивности своей думает, что чем его больше, тем лучше. Я знаю таких людей – журналистов, которые пишут много и хорошо, депутатов, помогающих избирателям, режиссёров, делающих отличные спектакли, добрых женщин, воспитателей, медиков... да и вы их знаете. Они довольно густо устилают жизнь, при том что думать и говорить о них не принято и замечают их редко. Это, так сказать, колпаки кольчатые. Кому они интересны, спрашивается? Вот сгрудиться вокруг мухомора, повозмущаться ложным белым или прочесать километры в поисках заветного боровика – это да. Хорошее трудно, редко, недоступно. Хорошее не может мозолить глаза в наивной надежде хоть кому-то пригодиться. Хорошее не может рассыпаться в дурном изобилии и доставаться почти даром, без траты времени и сил. Каждый, кто думает иначе и собирается радостно и откровенно изливать в русский мир свои прекрасные вкусовые качества, направляется ПУТЁМ КОЛПАКА. В его трагедию.

«Но ведь я такой вкусный, такой хороший. Я буду работать ещё больше, ещё лучше, и меня примут и полюбят», – думает колпак в человеческом образе. И чем больше и лучше он, человекоколпак, работает, тем сильнее раздражает людей. Тем меньше его ценят и замечают. А опасность гибели от удара, от ненависти и презрения толпы всё растёт...

Милые люди, воображающие, что на этом свете достаточно быть хорошим и поступать правильно, при случае отправляйтесь в лес и полюбуйтесь на героя русской трагедии, на лесного шампиньона, съедобного гриба высшей категории, никому на фиг не нужного.

Не пинайте его, не топчите.

Это брат ваш.

Зина, держись!

Впервые я узнала о ней год назад из солидной газеты. Даже в названии этой газеты закреплено обещание правдивой и достоверной информации. Как сказал бы Михаил Булгаков – натурально, я взволновалась.

Вообще-то я давно умею читать сквозь строки и отлично понимаю, к чему в каждом номере любой популярной газеты печатают сообщения о том, что мясо вредно, ужинать вредно, сладкое вредно и т. п. Но здесь мастера коммуникации забрали круче.

В заметке речь шла о пожилой жительнице города Энска Зинаиде Р. Однажды с ней случилось происшествие, в общем, нередкое среди впечатлительных русских людей – ей было видение не видение, голос не голос, короче, Нечто. Это Нечто было неопределённо-светлым и очень речистым. Оно сказала Зинаиде, что именно она, Зина Р., избрана передать людям знание о новом и окончательном пути богоподобной жизни. Для этого Зинаида должна перестать есть. Не существует никакого правильного и неправильного питания на Земле. На Земле существует единственное питание – органическое, – и вот оно-то и губительно в принципе. От него земляне и мрут все без исключения. А следует перейти на новые источники питания: свет и воздух. Тело, построенное из света и воздуха, не будет знать ни болезней, ни старости, ни смерти.

Выслушав речь духа, избранница немедленно покорилась его велениям, и вот уже несколько лет обходится без жалкой земной пищи. Глаза её постоянно сияют, а новое солнечно-воздушное тело не ведаёт боли и усталости. Сон её короток и бестревожен, день велик и беспечален. Учёные что-то полагают, врачи разводят руками, а Зина, в полной красе, являет собой дорогу к счастью, которое доступно всем.

Поскольку сообщение появилось год назад, в разгар споров о монетизации льгот, я сначала подумала было, что это отличный пропагандистский ход. Есть такой закон в пропаганде: давать тоном выше ожидаемого уровня. Пока пенсионеры гадают, хватит ли денег на хлеб и молоко, им надо подсунуть идею питания солнцем. Они, бывшие пионеры и комсомольцы, имеют застарелую слабость к утопиям и не смогут не поверить хоть на полпальца в светопереваривающую Зину. Правда, следовало бы хоть немного конкретизировать облик явившегося Зине духа. Не напоминал ли он кого чёткостью формулировок и деловитой категоричностью? Не смахивал ли, к примеру, на президента России?

Ладно. Проходит год. Закон о монетизации внедрён чугунной рукой, видимо, не знающей креста. Заслуг перед отечеством более не существует. В июне 2005-го герои России и Советского Союза объявляют голодовку в знак протеста. У всех людей с минимальным окладом совести при этом известии начинается неприятное жжение в груди. Им опрометчиво кажется, что это конец, предел позора – голодающие герои. И тут в солидной газете вновь появляется наша Зина!

Прошедший год ничем не омрачил её небесное чело. Протестовать ей нет нужды и возмущаться ни к чему. Зина выиграла борьбу за существование, сделав самый сильный ход из возможных. Она по-прежнему бодра и весела. Солнце и воздух, чудесное бесплатное питание, поступает в её ангелоподобный организм без перебоев. Более того: к Зине в гости, поделиться опытом, приехала товарищ из Германии – руководитель движения «солнцеедов» Эльза Г.

Эльза Г. покончила, оказывается, с окислением органики уже много лет назад. В свои семьдесят лет она выглядит на тридцать. Движение германских «солнцеедов» тем временем насчитывает в своих рядах около десяти тысяч человек. Все эти люди синтезируют белок из воздуха.

То есть мы видим, что отечественную Зину решили сильно укрепить с помощью заграничного авторитета. Если у нас Зина рассветает в одиночестве, там, на родине орднунга, люди будущего уже построены в колонны. Нетрудно догадаться, из какой части Германии прибыла к нам солнцеедка Эльза. Мы эту часть Германии когда-то сами строили...

Что бы это всё значило? Год назад воздухожорка Зина указывала пенсионерам, основным читателям самой правдивой газеты, как решить проблему питания после закона о монетизации. Но о чём предупреждает нынешнее явление Эльзы, с целой сектой германских призраков? Опять, что ли, наверху заворачивается поганка? Снова они что-то изобрели по части сокращения населения? Что они явно что-то изобрели – так это к гадалке не ходи, и осенью мы, конечно, узнаем подробности. Да только ничего у нынешних чертенят не выйдет. Население готовит ответный ход.

И будет вам облом, господа, с такой хитроумной пропагандой. Дело в том, что вы, люди прожорливые, корыстные, живущие замкнуто, среди себе подобных, не знаете своего народа. Русский дух распутен, он хочет счастья немедленно и обожает утопии, которые считает руководством к действию. Все доморощенные целители, все самодельные системы оздоровления и осмысления жизни имеют у населения огромный успех. Одни посмеются, другие разозлятся (делать им нечего – чушь такую писать!), а третьи... Это самая страшная и самая непобедимая порода русских. Они начнут питаться воздухом и светом.

Так держать, Зина! Мы идём к тебе! Мы будем пить дожди и кушать ветер. И что вы тогда с нами сделаете, за какой бочок ухватите? Да ни за какой. Над вашей вонючей и кровавой цивилизацией встанем мы, дети солнца. Зачем нам унижать себя работой? Для чего хлопотать о зарплатах и пенсиях? К чему содержать чиновных паразитов? Газпром нам зачем? Мы ничего готовить на газу не собираемся. Прощайте, пивные и мясные короли! Власти всех уровней и мастей, прощайте навсегда! Забыв о проклятых кухнях, с лёгкой котомкой за плечами мы пойдём по белому свету, и новый, чистый мир отразится в наших сияющих глазах.

Зина, мы с тобой!

Летать не надо

Такое у меня сейчас развлечение: смотрю диски с нашим послевоенным кино, выстраивая некую собственную картину «эволюции привидений» и отслеживая в личном восприятии сложную работу Времени. Многие выдающиеся фильмы ничего не потеряли с годами, а даже и приобрели – так, «Война и мир» Бондарчука, «Долгие проводы» Муратовой, «Илья Муромец» Птушко или «Андрей Рублёв» Тарковского в полном порядке. Но многое смотрится не просто «иначе», а вообще – противоположным образом. Я, конечно, знала, что контекст меняет текст, но – чтоб до такой степени! Особенно это касается фильмов, где преобладает сказочный, фантастический элемент вненационального происхождения.

Дело в том, что в наши дни именно фантастическому элементу положена зелёная улица в массовом искусстве. Поэтому, объёвшись этим видом условности, и в прошлое глядишь настрожённо: видишь истоки беды, первых ласточек грядущей фэнтези-катастрофы.

Например, «Мэри Поппинс, до свидания», популярная лента с Натальей Андрейченко в главной роли. Поскольку основной массив кинопродукта был тогда в обязательном порядке реалистическим, зритель жадно кидался на всё сказочное, тем более – сказочное с музыкой, которую тоже отпускали малыми дозами, строго по рецепту. Но если сейчас вот вдуматься в эту картину, то весёлого мало.

Автор историй про эту Поппинс, писательница Памела Трэверс, явная предшественница Джоанны Роулинг с её Поттером. Суть приёма в том, что течению обыкновенной жизни, где есть Бог, родина и родители, школа, труд, времена года и дня, противопоставлен ненормальный, необыкновенный, неестественный мир, где о Боге даже не упоминается, родина – пустыки, не стоящие внимания, родители презираются, трудиться не надо, времена года и дня, пространство и время можно крутить туда-сюда, но главное – возникает Некто особый, кто тебя в этот мир введёт и станет для тебя дороже всех на свете. Если разобраться, Мэри Поппинс – редкая тварь. Обожающая сама себя и сама себя величающая Леди Совершенство, эта мрачная ведьма презирает людей и таскает вверенных ей детишек по сомнительным притонам, где отплясывают какие-то коты в человеческий рост и странные Мадам без возраста. К чёрту родителей, к чёрту школу – скорей на метлу, на зонтик, на ракету – и прочь отсюда. Учить надо не грамматику (какая скука!), а магию. Быть человеком – какая тоска!

В этой точке зрения на мир чувствуется своя логика и своя правда. Только это нечеловеческая логика и нечеловеческая правда. Эти и тому подобные книги и фильмы представляют из себя точку зрения – нечистой силы. Для людей они или нейтральны (если психика крепкая), или сугубо вредны и прокладывают прямую дорожку к наркомании. Поскольку для экспериментальных существ, какими являются люди, жизнь как была, так и остаётся трудной работой. И презрение к норме, к обыденности принижает, а часто и разрушает человека. Он заболевает страстью к приправе, остроте, обыкновенное ему пресно. Он начинает ненавидеть будни – основу человеческой жизни и жаждет праздника, стремясь ежечасно выкачивать наслаждения из времени. Развращённый яркими, пустопорожними мечтами, он томится «просто жизнью», выламывается из порядка вещей и теряет главное свойство человека: способность к систематическому труду. Ему всё летать охота, а это в наши дни проще простого, такие успехи сделала химия.

Конечно, демоны и ведьмы хотят летать. Им так положено. А нам, людям, это не положено. Нам положено работать. А эти летуны только с пути сбивают.

Когда на русском советском свете царил суровый идеологически выдержанный реализм, права сказки приходилось защищать. С чугунной серьёзностью тогда долбили чуть не в каждой книге, чуть не во всех фильмах о необходимости труда, о долге перед Родиной, о честности, товариществе, недопустимости пьянства и разврата. Неудивительно, что людям

хотелось маленько отдохнуть и полетать. Но сегодня всё перевернулось с точностью до наоборот! Нынче все летают – работать некому. Ни в одном популярном фильме не найдёте вы ни слова о труде, о долге, о чести. Более того – реализм вообще в немилости, а в почёте всё неестественное и необыкновенное. Сейчас надо защищать права нормального честного рассказа, пропагандировать тех, кто идёт великим путём доктора Чехова! Да, нечистая сила, видимо, одержала временную победу и стала заказчиком соответствующего искусства. Но, мне кажется, люди всё-таки скоро переболеют всеми этими противными Поппинсами и Поттерами. Если, конечно, на земле ещё остались люди и не вся она заселена нечистой силой.

Ведь для нас, простых работников земли, лучшее чтение – словари, энциклопедии и справочники, а лучшее кино – рассказы Национального географического общества.

Русская дырка

Говорят и пишут, что Америка – символ меркантильности и корысти, заповедник голого чистогана.

Не может этого быть. В Америке люди играют в денежки, по крайней мере, четыре века. Они уже успокоились, попривыкли и даже стали иногда вращать глазами кругом: интересно, а нет ли ещё чего-нибудь на беленьком свете, кроме денег?

С ума сходят от денег только там, где нажива в новинку, корысть в диковинку. В странах, пошедших когда-то на большой эксперимент по вытравлению из общества всего обыкновенно-человеческого. Так, любые жизненные ценности, попадая в Россию, становятся в нашем страстном энергетическом поле сверхценностями. У нас не деньги, а ДЕНЬГИ. Не прибыль, а ПРИБЫЛЬ. Как-то огромно всё, ненормально. Вот – судите сами.

Например, одна женщина любит морковный сок. Килограмм моркови стоит 10–15 рублей. Если женщина имеет дома соковыжималку, то стакан сока обойдётся ей в 5–7 рублей. За пределами же дома начнутся дела нешуточные. Тот же стакан сока, выжатый на рынке, обойдётся лакомке в 40 рублей. Конечно, в стоимость уже входит износ оборудования, амортизация сокодавящей девушки, а также пожарная команда, санитарная инспекция и охранное предприятие «Илья Муромец интернешнл» данного района. Но всё равно – многонько. Всё-таки в восемь раз выше себестоимости! Соки пьются ходко, соковыжималка, девушка и прочее окупаются дня за три, дальше идёт чистая прибыль. Она нереально и ни с чем несообразно высока, измеряется в сотнях процентов. А это только первая ступень накрутки.

Дальше – больше. В вегетарианской столовой кафе «Троицкий мост» стакан морковного сока утянет из кармана нашей героини 54 рубля. В кафе средней руки – 60 рублей. В ресторане же цифры потеряют всякие здравые очертания: так, ресторан «Русский китч» за стакан морковного сока спросит с несчастной 180 рубликов, то есть более шести долларов. Себестоимость будет накручена где-то в двадцать пять раз.

Разве это нормально? Нет, это ненормально.

Пачка чая «Гринфилд» на рынке обходится в 45 рублей. В пачке заключено, к примеру, двадцать пять пакетиков, стало быть, около 2 рублей пакетик. Какова разумная цена маленького чайника чая, заваренного из одного пакетика и поданного в кафе, учитывая кипяток, обслуживание и уборку? Наверное, рублей десять, не правда ли? Ну ладно, пейте мою кровь, 20 рублей. По-моему, это предел возможного, заповедная черта, за которую бесстыдство наживы не должно переходить, ведь труда-то нет почти никакого – только накрутка.

Ага, сейчас. Чайничек «Гринфилда» менее 40 рублей не стоит нигде. В ресторане – 70–80 рубликов. На берегу залива летом – 90–100.

Поверьте, такой торговли ни в какой Америке быть не может. На Лазурном берегу или на пляжах Испании, в Лондоне и Праге вы получите простецкий чай, из пакетика, за один максимум за два доллара-евро. А обчищать ваш карман будут как родному только в глубоко родственных местах – в Сербии, в Польше, Болгарии и т. д. Везде, где люди ни в чём не уверены, всего боятся, всех ненавидят и о ценообразовании знают одно: ободрать и убежать.

Почему я вызываю такси для поездки с Университетской набережной до Ботанического сада и плачу 220 рублей – стоимость 12 литров бензина (120 километров дороги), когда я проехала в десять раз меньше? Прибыль уже не сто, не двести – тысяча процентов! Да мы с мужем заплатили в Нью-Йорке за дорогу от Бруклина до аэропорта всего 15 долларов, а ехали час и проехали более 40 км. В Санкт-Петербурге такой фокус бы не прошёл никак. На что же они, торговцы воздухом, в результате жалуются? Чем недовольны? Что свою трёхэтажную дачу строили не год, а полтора?

С такими накрутками, сколько ни зарабатывай – толку не будет. В прошлом году в скоростном поезде добиралась до столицы за 1200 – всё, нынче отдавай 1500. Маршрутки стоили 10–12 – стали 15–17. И везде чья-то прибыль не просто велика, но огромна, ни с чем несообразна. Получается круговорот зла: тебя обирают – обирай сам. А если некого обирать – вот мне, к примеру, что делать, а?

Так что это Россия – позорный рассадник пошлой корысти, голого чистогана и меркантильного безумия. Это в России рубль небо затмил и совесть заменил.

И когда придут наши зачищать мир от грязи – начинать придётся с этой помойки, с «русской дырки». Америка подождёт.

Нельзя жить можно

Если бытие Бога вызывает сомнения у иных грамотеев и нуждается, на их взгляд, в доказательствах, то душа ощущается в повседневной практике множеством человеческих существ. Так было в старину, когда жаловались, что «душа болит», «на душе тяжело», или веселились «от души», так есть и сейчас. А вот как именно ощущается душа?

Итак, *она есть*. Она есть сильно, непосредственно и демократично – обладание душой никак не зависит от национальности, пола, возраста, имущества, образования. Она есть в той или иной степени во всей органической жизни, есть у растений, у зверей. Это нечто врождённое, но – для людей как для экспериментальных существ – меняющееся с ходом жизни. *Это – она*. Незримое существо женского рода. Весь человеческий опыт говорит о душе как о существе женского рода. *Её возраст не совпадает с биологическим*. Душа растёт по каким-то своим законам, и разницу душевного и физиологического времени люди иногда ощущают сами в себе как поразительный контраст. «Молод душой», «душа ребёнка». Солидная дама с ужасом понимает, что у неё душа юной девушки, и это не фигура речи, а реальность: такая уж душевная субстанция досталась, растущая с трудом, медленно. Бывает иначе, душа растёт и умудряется быстро. *Её удел – переживать*. Не жить – живёт сам человек, весь человек, – а переживать. Как-то особенно соединяться с жизнью, измерять её собой и себя ею, включать в свой состав, присваивать, исторгать. Этот процесс порождает *чувства*. Лёгкое и безболезненное соединение индивидуальной души с жизнью вызывает радость, невозможность соединения – печаль (о несовершенстве жизни или о своей неумелости), если жизнь оказывается на данном участке прекрасной, душа впадает в восторг, если безобразной – в скорбь. Реакции души на жизнь непосредственны и неподдельны. (Их можно скрыть.) Одни души закаляются в переживаниях, другие так и остаются ранимыми, поэтому устают и болят. Никакого отношения к инстанции разума или вкуса душа не имеет. Владея полноправно сферой *чувствительного, трогательного*, душа не защищена от вторжения лжи, фальши, разврата. Она не знает *меры и может быть безмерна*, а это в быту очень неприятно на вид. Но в целом жизнь, лишённая души, – это гниющий труп, где шевелятся проворные опарыши.

Из всех искусств важнейшим для души является музыка. Люди с чувствительной душой, переживая произведение, созданное при участии такой же родственной души, обычно заливаются *слезами*.

В последний раз мне довелось залиться слезами на представлении оперы Леонида Десятникова «Бедная Лиза» в Капелле, во время юбилейных концертов в честь пятидесятилетия композитора. Не знаю, совпадает ли нынешний возраст души Десятникова с его теперешним биологическим возрастом, но тогда, когда он сочинил «Бедную Лизу» – студентом Консерватории в 1979 году, – возраст души явно опережал реальный. Великолепный, безжалостный, иронический ум композитора блистательно воспользовался сентиментальной повестью Н. М. Карамзина для игры своими незаурядными возможностями. Но потому этот ум и незауряден, что оставляет территорию души неприкосновенной и её прав не оспаривает. В сочинениях Десятникова всегда есть особое и возвышенное над остальными участками музыкального текста место для *чистого плача*. Это место для бедной Лизы, то есть для бедной души человеческой, восклицающей от невыносимой, казалось бы, боли – «Нельзя жить! Нельзя жить!» (в опере Лиза именно так и поёт).

Действительно, если постоянно соединяться с жизнью чувствительной тканью души, то боль от этого процесса заглушит все инстинкты самосохранения. Именно душевная боль – самая невыносимая для человека – приводит к самоубийству. Соблюдение интересов души не предусмотрено ни в государственных устройствах, ни в культурных сообществах. Даже в

дружеском кругу принято посмеиваться над чувствительными людьми. Один-единёшенек, ночной порой, плачет себе человек. Перспектив никаких. Нельзя жить.

Но именно потому, что плачущий человек ещё пищит «нельзя жить!» – жить всё-таки можно. Плач души обеспечивает ещё некий прожиточный минимум коллективному человеческому телу. Пока сентиментальные дурачки льют слёзы, круговорот жизни длится. И потому вся геополитика мира не стоит слезинки девушки, брошенной возлюбленным...

Жить станет нельзя, когда умолкнут крики и стоны о том, что жить нельзя.

Вред любви очевиден

Какая-нибудь очередная Катя начинает петь-мяукать, и я думаю: как они надоели со своей любовью! А главное, надоели лживые и пошлые мифы, сопровождающие эту стихию. Например, что Бог – это любовь. Чушь! Бог – крепкий, красивый мужчина в зрелом возрасте, с тёмно-голубыми глазами, немного похожий на актёра Юрия Беляева. Я видела. А любовь – это то, что стоит в глазах женщин, которые торчат у «Крестов» и смотрят в ту сторону, где, по их предположениям, сидит муж-отец-брат-сын. Это сильное чувство, приносящее очень много вреда.

Слава Богу, мужчины, как правило, женщин не любят. Возможно, так было не всегда, поскольку в дальней генетической памяти женщин сохранилось некое воспоминание о том, что когда-то их любили. Просто так, ни за что. Это положение вещей сильно испортило женщин. Они перестали развиваться умственно и вообразили, что и без этого хороши. Некоторые женщины до сих пор остаются при этом малопочтенном убеждении и ведут себя как при старинном положении вещей. Это выглядит трагикомически. Но большинство, конечно, давно смекнуло что к чему.

Возле женских тюрем никто не стоит, и с жёнами-алкоголичками разводятся десять мужей из десяти. (Когда современные мужчины говорят о любви, я просто не понимаю, о чём они говорят, мне не удалось установить, что они имеют в виду, скорее всего, какую-то разновидность собственнического чувства, наложенную на основной инстинкт.) Поэтому женщины изо всех сил стараются быть лучше или хотя бы красивей. (Отсутствие любви очень способствует развитию человеческой личности.) Любовь – женское чувство: хлебом их не корми, дай кого-нибудь полюбить. Просто так, ни за что. Мужчины, которых любят просто так, ни за что, не стараются быть лучше и красивей (зачем?), а наоборот, распускаются и портятся.

Это грустный факт: женщины губят мужчин любовью. Искренние, сильно чувствующие русские женщины губят русских мужчин своей любовью. Любовь развращает мужчин. Они перестают совершенствоваться. Все красавчики, к примеру, – пьяницы и развратники, за редким исключением. А почему? Потому что любящие женщины растлевают их огромным количеством даровой, незаслуженной любви, которой они недостойны. Обливают золотом дерьмо.

Мамочки начинают, жёнушки продолжают, а доченьки приканчивают: и вот, по Земле бодро двигается очередная мужская тварь, очередной опарыш природы, обслонявленный ополоумевшими бабами, которые при этом воображают, что они заняты богоугодным делом.

А от этой их любви никакого добра нет. Большинство людей недостойны любви. Недостойных любить не надо. Не любить недостойных – это очень хорошо и правильно. Таким нехитрым путём создаётся ценность любви и ценность женщины. Сейчас такой ценности нет. Опять-таки взглянем правде в глаза: из-за перепроизводства любви и вручения её недостойным женщины потеряли цену. Это дешёвый, бросовый товар, который всегда на прилавке. Они охотно продают своё тело, а душу готовы отдать даром, только бери и владей. (Кстати, женщины совершенно готовы к приходу антихриста, и спасти мир может только чудо, притом особого рода: если антихрист окажется... женщиной. Если он будет, как и предсказано в старых книжках, красавцем-мужчиной – бабы купятся все.)

Женщины потеряли цену, которая и была-то невелика. Пять рублей за мальчика и три рубля за девочку, которые платили в советское время санитарке, выносящей младенца из роддома, тому свидетельство (теперь другие числа, менее выразительные). Планирование пола будущего ребёнка приведёт к сильному сокращению поголовья девочек – все отцы хотят

быть отцами сыновей. Только однажды я столкнулась с повышенной ценностью женского пола – на рынке продавались цыплята, пять копеек петушок, пятьдесят копеек курочка.

Ценность может возникнуть только – когда? Правильно, девочка, садись, пятёрка. Ценность возникает при наличии *дефицита*.

Из горького опыта личной жизни многие женщины установили, что прочное, непрерывное излучение любви может быть не только благотельным, но и ненужным, и хуже – вредоносным. Хорошо, когда яркая люстра освещает нарядную залу. А если её сдуру включили в захламлённом чулане?

Надо перестать любить. Не насовсем, а временно и не абсолютно искренне, а как бы. Сделать вид. Попритворяться.

Отвернуться с гордым видом. Не давать. Ни в коем случае. Это важно. Это есть создание ценностей искусственным путём.

Ничего не поделаешь, ледиз энд джентльмен! Естественным путём мы уже шли и на этом пути всё про(...)ли.

...А чёрта не дразни

Народные поверья о бытовании нечистой силы, если судить о них по «Русскому демонологическому словарю», так пластичны, забавны и полны живых подробностей, что почти не остаётся сомнений – в этих рассказах реальный элемент сплавлен с фантастическим. То есть – конечно, сочиняли. Но и – что-то видели, слышали, а то и в сговор вступали.

«Один мужик пошёл вечером в баню, а уж про баню эту знали, что она – с анчутками...» Анчутка – злой банный дух, если разъярится, может и кожу содрать, но чаще бьёт или пугает, оттого православные люди не ходят в баню с крестом и на ночь глядя. А иные самоуверенные мужские тела, воображающие, что они правят сегодня миром, как раз любят закатиться в баню на ночь. И я уже десятки историй слышала о несчастных случаях при таких помывках. Так не лучше ли придерживаться старинных рекомендаций, особенно если про баню ходит слава, что она «с анчутками»?

Мало нынче веры на Руси, это правда. Но и суеверия обмельчали. «Бога люби, а чёрта не дразни» – советовали предки. Поэтично и умно! Но современные люди, чаще всего – ни Богу свечка, ни чёрту кочерга. Бога не любят, а притом черта – дразнят.

Вот, например, известно про лешего, что он – кудрявый, лохматый, с маленькими рожками – большой любитель женского пола и очень смешлив, но царство своё охраняет люто. Так если ты строишь трёхэтажную дачную хрень на природе и рубишь вековые деревья, что тебе стоит задобрить, улестить хозяина, чтоб не было ни беды, ни злого случая? Домовому трудно горшок каши налить? А водяному дань? А что проклятых детей тут же утаскивает нечистая сила, знаете?

В общем, демонологический словарь надо изучить крепко – и кстати, дополнить. Несомненно, что в наше время к старым баламутам добавились новые. Кроме домового, водяного и лешего, очевидно существование *автомобильного, мобильного, компьютерного и телевизионного* чёрта. Рассказы о проделках этих шутников – менее телесно-воплощённых, но куда более грамотных и хитрых, чем старички-«нечистики», – ещё ждут своих исследователей и собирателей. Несомненно, на свете есть машины-оборотни, проклятые мобильники и заколдованные телевизоры. Проклятый мобильник сам рассылает сообщения с двенадцатью лихорадками, автооборотень завозит владельца прямо к чертям в пекло, а по заколдованному телевизору, если его в полночь поставить в красный угол вместо иконы и три раза сказать «Явись!», могут показать самого дьявола и его последнюю пресс-конференцию для воздушных демонов...

Занимательно предание о неразменном рубле. Народ советует положить в мешок чёрного кота, завязать мешок на семь узлов и ровно в полночь выйти на перекрёсток. Тут к тебе подойдёт Сам и станет торговать кота – проси рубль. Получишь рубль – беги домой, пока Сам развязывает узлы. Это и будет неразменный рубль, который всегда возвращается в карман владельца.

Ясно, что советы относятся к эпохе, когда денежная единица любой страны приятно тяжелила руку. Нынешний плюгавый рубль и так неразменен, на него ничего не купишь. Может быть, кто-нибудь пойдёт на эксперимент и попросит неразменную тыщу? Вдруг сработает? Попробуйте! Вообще делайте что-нибудь. А то тут от скуки помрёшь, на вас глядя.

Каким пёстрым и душистым предстаёт мир в народных байках про нечистую силу! Чего стоит хотя бы такая деталь: Сатана, оказывается, часто рукоприкладствует, бьёт своих подчинённых, оттого-то так много бесов с увечьями – хромых, с оторванными хвостами. В аду не принято учить, объяснять приказы, так что бесы доходят до всего своим умом, в крайнем случае собираются на болоте и гуторят промеж своих, как выполнить очередной невыполнимый приказ хозяина. Нравы в аду суровые, расслабухи никакой, но это иного губит,

а иному силу даёт, недаром некоторые из тех, кто выжил в ГУЛАГе – в земном советском аналоге ада, – потом стали титанами. Видимо, от повышенной самостоятельности нечистая сила и выигрывает на земле у силы чистой, изнеженной в райских кущах, расслабленной от вечной любви и ласки Отца...

Тот, кто ставит домовому горшок каши, кланяется лесу, бережётся Коровьей смерти и ходит в церковь не потому, что «надо бы в церковь сходить», а по жизненно важной необходимости – набраться обороны от нечисти; кто знает, что чёрт ликом чёрен и страшен (сам видал), а Божьи ангелы собой пригожи и пахнут приятно, – тот без шуток счастливый человек. Простодушная народная вера обеспечивает наиболее сильное и пластичное переживание жизни. Если у вас её нет, я не виновата.

Остров Петербург

Два года тому назад в Петербурге пробили волшебные часы, как в сказке про Золушку: карета превратилась в тыкву, кучер в крысу, Владимир Анатольевич в Валентину Ивановну, лопаты и мастерки выпали из рук строителей – и всё, что было недостроено и недокрашено, так и осталось недостроенным и недокрашенным. Фасад филологического факультета университета так и прикрывает трогательная занавесочка с нарисованными окошечками – дивное изобретение юбилейного Петербурга. Столица империи, затем «великий город с областной судьбой», свою четвёртую сотню Петербург распечатал в новом качестве – в качестве «неведомо чего».

Русские женщины средних лет часто носят особенные кофты, на вопрос о расцветке и рисунке которых можно ответить: «неизъяснимо». Вот таков и современный Петербург. Он неизъясним.

Ну, допустим, вы – путешественник, приехали в Москву. Поглазели на сгоревший и отстроенный Манеж, полюбопытствовали, как именно в Московском художественном театре оскверняют классику, постояли в космических пробках, съели в «Пушкине» котлеты из лося и затомились – страшно захотелось вам увидеть неведомую страну Россию. Там празднуют День Огурца в Суздале и День Козы в Урюпинске, а в чудесном городе Сольвычегодск, где посередине плещется солёное озеро и жители никогда не болеют, каждый год шумит фестиваль моды и юмора «Вычегодская приплывуха»... Да! Туда! Но по дороге из Московии в Россию вы попали на зачарованный остров Петербург. Если вы не были тут лет двадцать, то вас ждёт первое удивление: многие вещи так и остались без изменений. Алиса Фрейндлих? В театре Ленсовета играет, пожалуйста, только не попасть – аншлаг. Магазин «Букинист» помните? Так он на месте. Пирожковую на углу Белинского? Так она там же и пирожки те же. Стоите на Невском, взыскуете общественного туалета? Как всегда, ближайшее место – Эрмитаж...

(О, как ужасно ошибся автор! Нет, нету больше ни «Букиниста», ни пирожковой... Об этом читайте в следующем эссе плачущего автора – «Исчезающий остров» – примечание 2006 года.)

Постепенно истина о русском пути, скрытая хищной Москвой и смиренной провинцией, явится вам здесь во всей наготе: вы увидите остатки двух погибших цивилизаций (русской православной и русской советской), с отвращением слившихся в принудительном объятии с поселениями варваров.

Если русская православная цивилизация строила дворцы, соборы и театры, русская советская – спортзалы, школы и киноцентры, то варвары ничего, кроме жилых домов и магазинов, строить не собираются. Стержневая идея их новой цивилизации – тотальное пожирание наличности: ни религия, ни наука, ни образование тут не нужны. Но остатки обеих цивилизаций, заряженные остаточной энергией, работают, да ещё как: каждый год вузы, к примеру, выбрасывают в жизнь несколько тысяч людей с чисто гуманитарным образованием. Делать им нечего: в городе пять жутких газет, три странных журнала, два телеканала, из которых один за гранью вменяемости, одна киностудия, которую вот-вот «акционируют» – то есть съедят, и несколько полудохлых театров.

Тем не менее, этого оказывается достаточно для поддержки жеста культурной претензии и упорного не-слияния осколков цивилизаций с деяниями варваров – нет им в Питере ни покоя, ни простора, ни счастья настоящего. Всё как-то подпорчено и отравлено. Отовсюду раздаётся глухое шипение. Не все ещё умерли. Осталось достаточное количество людей, способных отличить архитектурную ценность Инженерного замка от стоящего напротив бесстыжего и уродливого новодела, на фасаде которого, кстати, красуется бодрая надпись –

дескать, дом построен к юбилею такими-то, с позволения такого-то. С подобной наивностью дитя, первый раз покакавшее в горшочек, показывает свой подвиг восхищённым родителям...

У рассеянной петербургской маниакальности есть определённые «точки сборки» – например, Зураб Церетели. Уже весь мир пал, а Петербург держится! Ту т словно черта какая-то пролегает, которую самые отъявленные циники переступить не в состоянии: вот всё можно, а этого нельзя. На какие только хитрости не пускался титан Зураб, рискнувший широким жестом щедрого дарителя оставить кучку своего мастерства на входе в Манеж. Надеялся, что на царя-то Петра да на чистую бронзу наши маньяки всё-таки клонут. Обломился! Не учёл фактор психики. А это у нас главное.

Следующая точка сборки – деревья. Возле каждого срубленного ствола, точно дух погибшего дерева, вырастает бледный человечек, вздымающий руки к небесам. Сколько ни объясняй ему, что дерево плохое, старое и само бы упало, человечек упрямо вопит: «Вот бы само бы и упало!». Иногда он даже потрясает топором и невежливо намекает...

Непримиримые интересы и несовместимые воли сшибаются на острове так часто, что психика островитян усложняется, цепенеет и местами выходит из строя. Периодически на Питер готовится наехать армия столичного Гламура – но, ворвавшись в якобы незащищённый город и пометавшись в пустоте, гламур начинает уползать обратно, тихо ругаясь на идиотский город, к его прелестям абсолютно бесчувственный. Главная идея гламура – преуспевание в потреблении как идеал красоты – обламывает волчьи зубы об психику острова. Ведь, оказавшись здесь, варвары оказываются отрезанными от материка, и вслушиваясь в издевательский плеск злых серых волн, начинают терять и кураж, и аппетит. Им хватает сил, чтобы немного расчистить центр от культурных лавочек, но, и будучи переселёнными подальше, лавочки будут распространять утончённое зловоние, присущее остаткам их родимых цивилизаций.

А стало быть, Питер как был столицей графоманов и отравленных культурой придурков, так ею и останется.

Исчезающий остров

Когда Санкт-Петербургу вернули его имя, город Ленинград стал медленно и неотвратимо таять. Русские не умеют ценить и беречь своё прошлое, им ведь обязательно надо «до основания, а затем...» Вот и Ленинград срывают «до основания». А между тем в обыденной материальной культуре Петербурга советского периода было много своеобразного, печального очарования.

Эти пышечные, пирожковые, пельменные, рюмочные... пивные ларьки... магазины старой книги, дешёвые антикварные лавочки... комиссионные... дворцы и дома культуры, под завязку забитые всякими кружками, и – обязательно – с активной театральной самодеятельностью... всё это уходит в никуда.

Дворец культуры Первой пятилетки – я в восьмом классе поступала там в театральный кружок под руководством товарища Подберёзовикова, читала стихотворение Лермонтова «Я не унижусь пред тобою», позже смотрела гениальный спектакль Васильева «Взрослая дочь молодого человека», потом в «Пятилеточке» долго выступала чудесная труппа «Комик-трест»... – снесён. Здесь будет вторая сцена Мариинского театра, поскольку хреновой туче пошляков-режиссёров негде самовыражаться, им места не хватает. Значит – надо уничтожить человеческую память, ясное дело.

Пирожковая на углу Литейного и Белинского, где я студенткой Театрального ела вкусные и дешёвые пирожки, – закрыта. Закрыт и славный «Букинист» – форпост старой книги, приют добродушных маньяков-читателей. Опустели витрины «Художественных промыслов» на Невском, где я однажды купила дивной красоты платок с ручной вышивкой... Нет половины скверов, где я гуляла, и оставшаяся половина трепещет и ждёт неминуемой участи: из каждого сантиметра исторического центра будет выжата прибыль. На глазах пропадает моя родина, моя память, моя жизнь – и она же родина, память и жизнь миллионов людей.

О чём грустить? Всё так прекрасно! Сияют витрины дорогих бутиков, куда никогда никто не заходит, а если кто-нибудь зайдёт, то, по уморительному описанию сочинителя Дмитрия Горчева, «от стены бесшумно отделится девушка, похожая на самку паука, если вы не купите трусы за двести долларов, она вам откусит голову и съест». Персонал таких магазинов действительно отчаянно скучает, и на любого посетителя, ежели он забежит, например, пересидеть дождь, уставляются три-четыре пары глаз. Вы пробовали смотреть товар под наблюдением озверевших от скуки поклонниц сериала «Не родись красивой», и под аккомпанемент их идиотских вопросов типа «Вам помочь?» и «Вы что хотели?»? Я пробовала. Это кислый экстрим. Вместо моего любимого магазина «Рыба» на площади Льва Толстого, где в отделе свежей рыбы работал ужасно симпатичный продавец, теперь открыли такой вот бутик, где продаётся мерзкая претенциозная одежда для тощих дьяволиц. Я туда не зайду никогда. Бурно размножаются сетевые магазины-монстры. Сети, сети, и мы – бедные рыбки. Я поклялась, что ничего у сетей покупать не буду. Пришлось нарушить – они, гады, везде, и заманивают дешёвкой. Всё как у всех, всё как у больших. По мнению администрации – очень мило и европно. Это главная идея сегодняшней администрации Петербурга – чтоб было европно.

Я не знаю, эти люди вообще были в Европе, нет? Видели маленькие лавочки, магазинчики, которым по двести-триста лет? Трогали вековые деревья в центре столиц? Ступали по камням, чей покой никто не смеет нарушить? Городская среда Петербурга изменяется только в одном направлении – к худшему, и изменяется не каждый день, а каждую минуту. Вот я сейчас пишу эти строки, а где-то срубают дерево, закрывают магазин, застраивают какой-нибудь милый уголок непарадного, трогательного пейзажа. Ужасное чудо: потерять родину, не покидая родины...

В городе появилось новое чудачество, своеобразные «дайверы», отыскивающие в новодельном дорогушем матвиенковском Петербурге родимые пятна Ленинграда – рюмочные, магазинчики «Галантереи», где можно купить такой редкий товар, как нитки или ножницы, старые «Канцтовары» с человеческими ценами. Писатель Павел Крусанов нарыл на Пушкинской улице одно такое местечко и, ликуя, повёл туда друзей. Мы перешагнули порог и ахнули от изумления: мы оказались внутри 1989 года. Водка в гранёном мухинском стакане за сорок рублей сто грамм, огурец солёный – четыре рубля, яйцо варёное – пять рублей. Деревянные столы, крашенные морилкой. На стенах акварели неизвестного. В углу два игровых автомата образца 1988 года. Белая грязная собачка-дворняжка с умной мордочкой... Сели, выпили и заплакали, как эмигранты, которые в чужой земле отыскивали кусочек родины.

Один художник (по совместительству муж дизайнера Татьяны Парфёновой) упорно, каждый день рисует исчезающий город – скверы, которые завтра вырубят, пейзажи, которые послезавтра испоганят. Пакует родину про запас. Но это должно стать программой сотен и тысяч людей. Ленинград следует срочно рисовать, фотографировать, записывать. В нём было плохое, ненужное, вредное, пошлое – но было и хорошее, ценное, поэтическое. По русскому обычаю, уничтожают именно хорошее и поэтическое, так что приезжайте, срочно приезжайте в Петербург, особенно если вы когда-то были молоды, влюблены и при каждой возможности бежали в Ленинград проветриться.

Город вашей памяти исчезает.

Музей печали

Посвящается 303-летию Санкт-Петербурга

Вот бывает: прочтёшь что-нибудь несусветное на уличной вывеске, и только через пару минут догадаешься, что это мираж, ошибка зрения, смешная путанка... Так Антон Павлович Чехов читал – «Большой выбор сигов» и всё удивлялся: неужели есть такой магазин особенный, где рыба сиг водится в исключительном разнообразии, пока однажды не присмотрелся и не прочёл прозаическое – «Большой выбор сигар». А я шла как-то вдоль Мойки и боковым зрением схватила – «Музей печали». Даже остановилась. Как хорошо! Музей печали. А уже бойкий информатор внутри головы подсказывал, что – ошибка, что – «Музей печати», конечно.

Но мне жаль, что нет на свете Музея печали. Печаль так разнообразна! А. С. Пушкин, например, в стихотворении «На холмах Грузии...» открыл светлую печаль. Значит, есть и тёмная. Существует, конечно, печаль о несбывшемся и печаль о сущем, печаль любви и печаль в отсутствии любви, печаль об ушедших из жизни и печаль о живых. И уж, без сомнения, в наш воображаемый Музей печали стоило бы сдать Санкт-Петербург советского периода, город Ленинград – пожалуй что, весь целиком.

Я помню его, начиная с шестидесятых годов, это был печальный город, как будто с трудом приходящий в себя после смертельной болезни. Бедный, чистый. С дурацкими красными тряпочками и агитационными буквами на фасадах – но всего этого было в десять раз меньше, чем современной рекламы. Долгое время, до последних лет, – зелёный, с множеством садиков и сквериков. С милым нелепым животным-трамваем. С плохими магазинами. С невероятным количеством дворцов и домов культуры. С очень серьёзными милиционерами. С детьми, спокойно играющими во дворах без присмотра... Исчезновение Ленинграда можно было бы как-то извинить при одном условии: если бы подавляющему большинству людей стало жить лучше, но этого не произошло, да и не могло произойти. Мы наши исторические грехи не замаливаем и не искупаем, даже не каемся в них, и они каменеют и отправляются вместе с нами в наш общий Музей печали.

Хожу по городу, ищу неизуродованные новоделом места. Их ещё много, но чаще натыкаешься на порчу. Вот опять впендюрили огромный домище, без меры, без вкуса, – в Советский переулок, на пересечении с 5-й Красноармейской. Я там рядом училась восемь лет. Ничего, ничего не найти – ни кафе, ни магазинчика родного... Теряешь родину, не покидая родины, вот это да. Человек, который три года играл на гусях и ложках в Доме культуры имени Карла Маркса, не может сегодня глядеть на Питер и чирикать: «Ура-ура, зло ушло – добро пришло!». (Это я о себе, я играла на гусях – бесплатный кружок, выдавали инструменты, возили на выступления!) Улица Правды – где она? Кудрявая, нечеловечески самоуверенная дама-архитектор, недрогнувшей рукой изменяет трёхсотлетний ландшафт Петербурга и страшно удивляется, когда её скопище мелких пластических уродств – «пешеходную зону» – люди с улицы Правды (то есть не привыкшие врать) так и называют – «скопищем уродств»...

Дело не в обычных временных изменениях, которые неизбежны. Дело в резком, катастрофическом и уродливом сломе всего стиля и даже сути жизни.

«Распалась связь времён» – сетовал принц Гамлет. Почему-то все издевающиеся над этой пьесой режиссёры даже не пробуют вдуматься в слова умного принца. Что такое – распад связи времён? А это то, что мы видели и видим своими глазами. Жизнь не развивается естественным образом, сохраняя старое, приращивая новое, а как будто вдруг обрывается,

как сон. И один сон сменяет другой без всякой связи. Один мираж заменяется другим миражом. Как будто из времени выдернули стержень смысла. Ленинград исчезает на наших глазах, заменяясь Новопитером, который сейчас вроде как на коне, он пыжится и тужится, он сияет всеми своими мраморами, надстраивает, обустройствает и перестраивает, и врёт, врёт без конца и краю и уверен, что конца и краю этого не будет.

Будет.

Когда я однажды поплакала печатно над исчезающим Ленинградом, над закрытыми пирожковыми, вырубленными сквериками, опустевшими или снесёнными домами культуры, один самодовольный житель Новопитера, обсуждая мою статью на каком-то форуме, презрительно написал: «Ну, тоже мне, развела словесный понос (так и написал, они же там, в своей канализации, в чатах и блогах, выражения не выбирают), нашла о чём плакать». И он, скорбный головою, в этот момент воображал, наверное, что его власть, власть нефтяных паразитов, пришла навеки, что он вечно будет ходить из офиса в фитнес да из бутика в бутик.

Нет, мои милые. Если вы так легко и беспечально отправляете на свалку жизнь ваших отцов и дедов, точно так же, с той же лёгкостью, отправят на свалку вас самих и всю вашу жизнь. И офисы ваши прорастут лопухами, и обрушатся ваши надстроенные мансарды, и на руинах ваших фитнесов напрасно будут вращаться беговые дорожки... И небоскрёбы бизнес-центров пойдут трещинами, и все ваши памятники пойдут в переплавку, и ветер на помойке станет лениво шелестеть листьями ваших глянцевого журналов...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.